

Напиши обо мне... Роман

Ашира Хаан

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ашира Хаан

Напиши обо мне роман

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Хаан А.

Напиши обо мне роман / А. Хаан — «ЛитРес: Самиздат», 2021

ISBN 978-5-532-93303-3

Это не роман о Золушке — это роман о Русалочке... Что, если писательница любовных романов о красивых миллионерах однажды встретит реального героя своих книг? Писательница, которая однажды решила, что смыслом ее жизни больше не будет любовь, как положено приличной женщине. Главное для нее теперь — творчество. Но, возможно, зеленоглазый миллионер с огромным шнобелем, который больше не чувствует вкуса к жизни, окажется не готов принять ее решение. Он ли разрушит ее реальность? Или она спасет его? А может быть, все будет как в настоящей жизни — без сладкого хэппи-энда, без идеальных мужчин и женщин, готовых на все ради любви? Ведь в настоящей-то жизни бывает всякое...Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-93303-3

© Хаан А., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Однажды летом	5
В ресторане	12
Будни	20
Между	25
Вечеринка в отеле	30
Пьянка	39
Офисный роман	45
Прошлые	59
Прогулка	66
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Ашира Хаан

Напиши обо мне роман

Однажды летом

Verrà la morte e avrà i tuoi occhi
(*Cesare Pavese*)

1

Когда выскакиваешь из дома в лес в сандалиях, мятой футболке и бриджах с прожженными у костра дырками, обычно как-то не рассчитываешь встретить миллионера на новеньком «Порше» у собственного подъезда. Тут-то и вспомнишь женскую мудрость, что даже мусор надо выносить накрашенной, тут и пожалеешь, что не слушалась старших.

Довольно странно, что я его вообще заметила. В это время суток у меня в голове обычно роились десятки сюжетов, переругивались в полный голос герои текущего романа, чего-то скандально требовали герои будущего и злобно шипел в уголке вампир Люций, которому я уже сто раз отказала в продолжении, а он все не унимался – от угроз переходил к сладким посулам и обратно.

Но я очень, очень люблю «поршики». Еще с тех пор, как впервые увидела в фильмах про Джеймса Бонда. Меня одну, кажется, не бесили заповоленные Москву в двухтысячных бандитские «Порше Кайенны» – я ими любовалась. Бескорыстно.

Поэтому услышав непривычный звук мотора и заметив роскошный спортивный автомобиль, я застыла на месте в восхищении. И даже герои перестали переругиваться в голове.

Он был зеленый.

Миллионер.

То есть, его «Порше», конечно. Сочно-зеленый, как молодая июньская листва в нашем дворе. У нас очень зеленый двор. И лес недалеко. Я туда как раз не дошла в своей мятой футболке и прожженных бриджах.

Вообще-то я очень стеснительная. Я даже зайти в банк за выпиской со счета готовлюсь три дня с группой поддержки. А когда выхожу оттуда, покупаю себе в награду дорогое шампанское и пирожные, чтобы запить стресс.

Что уж говорить о том, чтобы обратиться к незнакомому миллионеру на «Порше»? Я же не длинноногая юная модель с накачанными губами и стоячей грудью, чтобы он выслушал от меня любую чушь.

Но я не могу упустить такой момент! Такой прекрасный материал!

Скорее всего, больше подобного случая мне в жизни не представится – ну не живу и не тусуюсь я там, где миллионеры на роскошных тачках на каждом углу стоят и ждут, пока одна такая ненормальная писательница подойдет к ним с дурацким вопросом!

У меня только один вариант – выключить мозг и сделать совершенно безумную вещь раньше, чем он успеет включиться обратно.

Надо просто шагнуть из самолета. А есть ли за спиной парашют – разберемся по пути!

Ну не съест же он меня?

Максимум пальцем у виска покрутит и свалит.

Так что я вдохнула, выдохнула и направилась к машине, у которой так удачно было открыто окошко водителя. Склонилась к нему и быстро, чтобы жертва, да и я сама, не успели очухаться, затараторила:

– Здравствуйте, извините, у меня к вам один маленький вопрос! – мгновенно сообразив, что сейчас владелец решит, что я денег хочу, продолжила еще шустрее: – Почему у вас именно зеленый «Порше»?

2

Сидящий за рулем весьма симпатичный мужчина с короткими темными волосами и в деловом костюме на несколько мгновений замер, уставившись на меня ничего не выражающим взглядом.

В этот момент мой мозг включился обратно и заорал: «Валим! Валим отсюда! Ты вообще здорова?! Нет, не отвечай, без тебя знаю, что в психдиспансере карточка лежит! Мы же договаривались маскироваться и прикидываться нормальными! Что пошло не так?!»

Черт, и правда договаривались...

– А почему вы спрашиваете? – вдруг поинтересовался мужик в «Порше».

– Я писательница. Мне важно знать, почему люди совершают нестандартные поступки и отличаются от стереотипов, – когда я начинаю болтать, мне становится намного легче. Тут я в своей стихии.

– Писательница чего?

Оу, вот он, самый неприятный вопрос...

– Любовных романов... – вздохнула я, заранее зная, как он к этому отнесется. Нет ничего хуже, чем быть писательницей любовных романов. Даже детективы в мягких обложках, даже литРПГ, даже попаданцы к Сталину почему-то вызывают у народа больше уважения. – Так что из вас я сделаю красивого миллионера на роскошной машине, который влюбится в обыкновенную девушку, а она ему откажет, потому что у него зеленый «порше», и это слишком странно. Видите ли, она большая поклонница идеи «умом надо выделяться» и очень не любит эксцентричных и странных людей. А герой купил именно зеленый автомобиль, потому что... Вот, кстати, об этом я и хотела у вас узнать. Почему зеленый?

Всю эту чушь я сгенерила прямо на ходу. Хотя, почему бы нет? Можно написать и такой роман. Как только узнаю ответ на свой вопрос.

Но мой собеседник почему-то не спешил.

Он даже открыл дверцу машины, поставил ногу на порожек и оперся на нее локтем.

Задумчиво посмотрел на меня и спросил:

– Почему именно любовные романы?

– Потому что за них платят, – пожала я плечами.

– А если бы деньги не были аргументом? – он склонил голову набок, тщательно рассматривая мою мятую футболку. И бриджи. И даже сандалии, хотя они в этом ансамбле были самым приличным участником и когда-то стоили пять тысяч. – Что бы вы писали?

– Если бы за книги не платили вообще, я бы сейчас писала сюрреалистическую роман-фантазмагорию в жанре магического реализма про психиатрическую клинику, в которой рассказала историю девяти женщин, правнучек ведьм, предавших когда-то своих сестер, которые должны пройти путь искупления и научить других становиться ведьмами!

На его месте я бы после этого захлопнула дверцу, сорвалась с места и больше никогда не появлялась бы даже в окрестностях нашего района.

А он ничего, держится. Даже улыбается.

– Очень интересно, – говорит. – А почему сейчас не пишете? Хотя бы в свободное время?

– Потому что я набираюсь опыта, – ответила я неожиданно честно. Впрочем, про фантазмагорию тоже было честно. – Вот напишу двадцать любовных романов, прокачаю скилл, тогда и сочту себя достойной.

– Двадцать – это сколько времени займет? – нахмурился он.

– При моей скорости в шесть романов в год... еще примерно пару лет.

– Хм... – он смотрел на меня немного задумчиво, будто что-то подсчитывал в уме. – А если я, допустим, дам денег на ваш роман? Столько, сколько бы вы заработали за все написанные за эти два года. И можно будет сразу переходить к ведьмам.

– Все равно я сначала напишу эти двадцать. Чтобы получить нужный опыт.

– Но, может, хотя бы в другом жанре?

– Это вы планируете откупиться, чтобы я про вас не писала? Я и так не напишу, если не узнаю ответа.

И судя по всему, я его не узнаю. Чем дольше мы болтаем, тем виднее, что секретов он выдавать не намерен.

– Так придумайте ответ! Вы же писательница!

Я скорчила мордочку гоблина.

Тыжежурналист, тыжепсихолог, тыжеписательница. Все про меня всегда знают лучше.

– Так неинтересно, – попыталась объяснить я. – Придумать я могу что угодно, но правда интереснее! Так почему зеленый?

– Если отвечу, я вам больше не буду интересен, – он усмехнулся. – Вы уйдете писать свой роман, правда?

– Правда, – кивнула я.

Какие еще варианты?

Нет, ну сначала я дойду до леса и там немножко поору, потому что происходящее – перебор для моей хрупкой психики. А потом да, пойду писать роман.

В любой непонятной ситуации – пиши роман.

– А мне бы не хотелось, чтобы вы уходили. Поэтому я не отвечу... – увидев, как я открываю рот, чтобы выкнуть «тогда до свидания» и пойти выполнять план поорать в лесу, он добавил: – ...пока. Пока не отвечу.

– Ну, так неинтересно... – пробормотала я.

Мне стало не просто интересно, а ОЧЕНЬ интересно. А любопытство – такая штука, от которой я могу запросто умереть.

От интоксикации любопытством, да.

3

– Кстати, а что вы пишете в романах про миллионеров такого, что не пишете про инженеров, например? У них какие-то особенные проблемы? Более интересные?

– Я думаю, что у миллионеров те же самые проблемы... – задумчиво проговорила я. – Разве что есть пара-тройка мелких специфических трудностей, которые мне незнакомы, но вряд ли кто-то поймает меня на их незнании. Сомневаюсь, что среди читательниц много жен олигархов. А все остальное как у людей. Особенно в любви – тут деньги мало помогают.

– Хм... – он задумался, глядя мне в глаза... в смысле, он бы это делал, если бы я могла встретить его взгляд. Но я терпеть не могу смотреть в лицо незнакомым людям, поэтому любовалась то темно-синим галстуком с тонкими серебряными полосками, то костистыми пальцами, барабанившими по краю открытого окна машины, то массивными часами на жилистом запястье.

И паузы в разговоре я тоже терпеть не могу. Даже если болтать в этот момент куда более неуместно, чем молчать.

– Ну раз уж вы не отвечаете на главный вопрос, но и не уезжаете, я могу вас порасспрашивать о жизни богатых и красивых? Какие у вас трудности, которых нет у простых смертных? Вдруг я что-то упускаю?

– Так я красивый? – он усмехнулся и поднял бровь.

– А вы богатый? – парировала я.

– Даже по этой машине непонятно?

– Мало ли, почему вы на этой машине... Может, вообще угонщик. Или водитель богатого и некрасивого, – пожала я плечами.

Всегда приятно побесить кого-то, кого мало кто решается бесить.

А мне что?

– Справедливо, – склонил он голову.

– Так вы ответите?

Я переступила с ноги на ногу, внезапно устав стоять.

Это вообще не по-джентльменски – сидеть, когда дама тут пританцовывает. Зачем мне такой герой? Не хочет – не надо. Меня в лесу ждут.

Как – «кто ждет?» Сосны и скамеечка на солнышке рядом с норой какой-то лесной твари. Она оттуда высовывает мордочку и недовольно на меня смотрит. А я подкладываю рюкзак под голову и смотрю на облака.

Мой маленький кусочек счастья.

Уютный. Спокойный. В котором никто не торгуется за ответ на один крошечный вопрос, который мне уже неинтересен.

– Ответу, если поедете со мной в ресторан.

Опаньки!

Я настолько изумилась, что аж посмотрела ему в глаза.

Зеленые, кстати. Практически под цвет его «Порше». Темно-зеленые, но больше в оливковый, чем в изумрудный. Красиво.

Я вообще люблю зеленые глаза. Это у меня с пятнадцати лет, когда я насмерть влюбилась в парня с прозрачными зелеными глазами и светлыми волосами до плеч, как у эльфа. В свои двадцать шесть он уже был трижды женат и трижды разведен. Его звали Волк, и я с ним даже не целовалась – только сидела в обнимку на рождественском вечере в зимнем лагере. Он попросил ему позвонить, а я не смогла, не решилась.

К лету он был женат в четвертый раз.

С тех пор зеленые глаза – мой фетиш. Но именно поэтому я почти никому из героев не дарила такой подарок. А тут «шамо приползло».

– Не поеду.

– Почему? – темные брови взметнулись вверх, а я воспользовалась случаем, чтобы рассмотреть его получше. Выступающие острые скулы, худое лицо, четко очерченные губы – он был бы красив, если бы не великоватый для его лица нос.

– Приличные девушки к незнакомым мужчинам в машину не садятся. Не знаете, что ли?

– Роман.

Он протянул мне узкую ладонь с длинными пальцами.

Я замешкалась, вспоминая все свои ники и фальшивые имена, которыми щедро делилась с героинями. Арина, Алина, Карина, Яна... как бы назваться? Привычка скрывать все личное въелась так глубоко, что даже бывший муж первые полгода был уверен, что меня зовут Арина. Но прямо сейчас мне не приходило в голову имени, на которое было бы не противно откликаться, и я уже не использовала его в романах.

Молчание становилось все более неловким. И отказ принять протянутую руку тянул на оскорбление.

– Алиса! – сдалась я и вложила свои пальцы в его ладонь. Он крепко пожал их, приятно удивив меня тем, что не стал играть в куртуазного козла с поцелуйчиками ручек.

– Придумала, что ли, имя-то? – сощурился зеленоглазый Роман.

– Вот так всегда! В кои веки не соврешь – и то не верят... – вздохнула я.

Он усмехнулся, качая головой и кивнул на соседнее сиденье:

– Теперь тебе мама разрешит поехать со мной в ресторан?

Собственно, а что я теряю? Разве может чувак на такой дорогой тачке оказаться маньяком-насильником?

Хм. Почему бы нет?

Но если я останусь в живых, найти его по зеленому «поршу» будет проще, чем если бы он водил серебристый «рено логан».

Будем уповать на это.

И я плюнула на все и впервые в жизни села в машину своей мечты.

4

Когда-то давно, еще в школе, нас попросили описать свою идеальную комнату. У меня была необычная школа и задания были интересные. Не многие взрослые и сейчас могут выйти за пределы шаблонов и проявить фантазию.

Моя идеальная комната была в уютных тонах от кремового до шоколадного, с неярким светом, мягкими креслами и почему-то круглой дверью. Наверное, я хоббит.

Потом мы обменялись листочками с описаниями; зачитывали их вслух и пытались угадать, кто какую комнату себе захотел.

Одноклассница, которой достался мой листочек, спросила у меня: «Ты любишь комфорт?»

Не помню – кажется, я кивнула.

И она легко угадала меня.

«Порше» изнутри была очень похожа на комнату моей мечты из детства. Плавные линии, неяркие оттенки, мягкость, комфорт и роскошь в каждой детали. Кожу сиденья хотелось гладить как зверьку с шелковистой шерсткой, ремнями безопасности обвязаться в стиле Лилу из «Пятого элемента», приборную панель из светлого полированного дерева трогать кончиками пальцев как стены древних храмов – чтобы почувствовать внутри жизнь. А уж когда машина тронулась с места мягко и мощно, как большой зверь, и тихонько замурыкала музыка – кажется, прямо в воздухе, обвиваясь вокруг моей головы, – я окончательно растеряла все признаки разумного человека.

Если бы я знала, что неприлично дорогие машины такие клевые, я бы совсем иначе провела юность!

В тридцать три уже поздно становиться охотницей за олигархами, да?

– А фамилия у тебя какая? – спросил Роман, пока я увлеченно растекалась сладкой лужицей от переизбытка восторга в крови.

– А вам зачем?.. – рассеянно ответила я, по привычке пряча все личное от постороннего любопытства.

– Погуглю, что за писательница, – он одной рукой небрежно держал руль с фирменным шильдиком на нем, а второй подхватил с подставки телефон.

– Ну я ж не дура, я под псевдонимом.

– Стыдно признаваться, что ли?

– Нет, просто Алиса Тпрунькова звучит не так прикольно, как Алисия Рождественская, – зачарованно ответила я, откидываясь в кресле и глядя, как неслышно уносятся вдаль фонари,

деревья и прохожие за голубоватыми стеклами автомобиля. И только через секунду или две сообразила, что попалась!

Резко выпрямилась, возмущенно глядя на Романа, словно это он был виноват, что я расслабилась, загипнотизированная роскошью «Порше» и выдала все свои секреты.

– Ну и фамилия! – прыснул он. – Конечно, неприкольно. Что ж не сменила, а?

– Что ж вы свой шнобель не поправили? – мрачно буркнула я.

– Какая дерзкая... – улыбка не сходила с его лица, будто этот разговор невероятно его развлекал. – Не страшно вот так хамить незнакомым людям с ресурсами и властью?

– Неа, – я фыркнула, откидываясь на подголовник и снова расслабляясь. – У меня профдеформация. Все красивые миллионеры обязательно настоящие мужчины – добрые и благородные.

– Так я красивый или шнобель надо поправить? – с веселым интересом спросил Роман, ненадолго отвлекаясь на дорогу, чтобы свернуть на особо хитром перекрестке и снова пококнуться на меня.

Надеюсь, у него стоит какая-нибудь сверхумная система управления, которая тормознет нас за метр от бетонного отбойника или старушки, переходящей дорогу в неположенном месте. Потому что на водителя надежды мало.

– Одно другому не мешает.

– Эх, остра на язык!

– Тем и кормлюсь.

5

К сожалению, самая приятная часть происходящего – та, где я наслаждаюсь скоростью и комфортом в роскошной машине своей несбыточной мечты, слишком быстро подошла к концу. Я бы еще часиков пять покаталась. Может, нам в Питер съездить?

Роман затормозил возле какого-то довольно пафосного ресторана на набережной. Парковочные столбики из начищенной меди отражали низкое уже солнце, красная дорожка вела к вычурным дверям, а у обочины мотылялся долговязый парень в мундирчике, похожем на форму Царскосельского Лицея. Валет – или как это по-русски? Такой специальный чувак, который паркует машины бесстыдно богатых посетителей.

Вот где-то в этом месте мне резко стало неуютно. Одно дело – издеваться над зеленоглазым наглецом один на один. Совсем другое – явиться на чужую территорию. В мятой футболке, прожженных бриджах и так далее.

Пренебрежение народной мудростью дорого мне обошлось. До конца жизни даже спать буду ложиться с маникюром и в вечернем платье!

– Надеюсь, тебе понравится этот ресторан. Тут великолепная кухня! – хищно улыбнулся Роман.

Я подозрительно покосилась на него. Если этот умник понимает, что я сейчас чувствую – мне конец.

– Лишь бы не итальянская! – ответно оскалилась я.

– Только не говори, что писательницы любовных романов о роскошной жизни богатых и красивых не умеют правильно есть спагетти.

– Я не умею есть спагетти, когда на меня пялятся эти богатые и красивые!

– Ага! – он отстегнул ремень и открыл дверцу машины. – Все-таки красивый! Идем, там будут стейки.

Я тоже отстегнула ремень, но выходить не стала. Если начала наглеть, зачем останавливаться? Пусть он мне дверь откроет, как положено.

Роман выбрался из машины, отдал мальчику в мундире ключи и на пару секунд завис, ожидая меня. Потом, видимо, сообразил и направился к моей дверце. Я тем временем сидела, чинно сложив ручки и размышляла, что у приличных женщин из высшего общества есть такая роскошная возможность угонять чужие тачки, что просто ах! Пока он там идет, я бы уже сто раз перебралась на место водителя и умотала под визг шин и вопли бывшего владельца.

Только надо как-то вынудить его оставить ключи.

Но как?

Нет, не то. Наверняка в «Порше» ставят всякие спутниковые системы слежения. Можно ведь вырубить такую машину через смартфон без ключей? Надо погуглить.

Хотя... если сначала разбить его смартфон, можно выиграть время.

Героиня у нас будет дерзкая и умная, голову герою заморочит и ключи он забудет...

Кстати, зачем ключи вообще таскать туда-сюда, если мальчик-парковщик сейчас сядет? Значит, тут и есть слабое место...

Я так глубоко задумалась над ситуацией в потенциальной книге, что не сразу поняла, что Роман уже открыл дверь машины, протянул руку и теперь терпеливо ждет, пока я соображу, что делать.

Пришлось выходить.

– Так, стоп.

Со стороны могло показаться, что я затормозила, потому что оробела. На самом деле я затормозила, чтобы не показать, что я действительно оробела.

– Что? – он недоуменно оглянулся.

Я дернула край мятой футболки, демонстрируя пятно от краски:

– Разве не положено перед рестораном завести девушку в бутик за новым платьем и золотистыми босоножками? У меня в книгах миллионеры всегда так делают!

Заодно еще разок проверим чувство юмора.

Я точно в нем не ошиблась?

Потому что, по моим меркам, сейчас была запредельная наглость – если воспринимать мои слова всерьез. Наглость настолько феерическая, что доступна только настоящим шикарным женщинам, уверенным, что мужчины им должны весь мир и золотистые босоножки впридачу.

А я нет, я не шикарная. И даже не такая наглая, какой кажусь. Не настоящий, в общем, сварщик, просто каску на стройке нашла.

– Не волнуйся, и так пустят, – отмахнулся Роман и, подхватив меня под руку, потащил ко входу, занятым образом делая вид, что не замечает, как я потихонечку притормаживаю.

Непонятно – то ли с чувством юмора у него все же отлично, то ли он уже привык сшибать корону с настоящих шикарных женщин таким небрежным жестом.

В ресторане

1

– Жаль... – вздохнула я. – Платье бы мне пригodiлось.

Откинула голову, выпрямила спину и сделала вид, что я английская королева, которая не стесняется и в земле поковыряться, и платочек повязать узелком под подбородок, как наши бабушки.

Подцепила своего личного миллионера под руку и потащила к двери.

Он, кажется, сам начал притормаживать, как будто ожидал, что я все же сдамся. Но покачал головой и пропустил меня вперед, в открытую швейцаром дверь.

– Ты всегда такая? – поинтересовался Роман, нагоняя и уже без подсказок подхватывая меня под локоть.

– Ну... Раз происходит что-то интересное, глупо отказываться из-за того, что с утра надела трусы в цветочек.

– В цветочек? – с искренним интересом переспросил Роман и даже как-то задумался. И замешкался. И наткнулся на пустой стул.

Я не выдержала и заржала – скорее нервно, но он с первого взгляда не отличит.

– Ты вообще без комплексов... – полушепотом, как большой секрет сообщил он мне, когда нас усадили за столик, выдали меню и деликатно оставили делать выбор.

– Не, вообще нет, – я качнула головой, слепо глядя на глянцевые страницы. Ни одно название блюда в памяти не удерживалось, а уж решение принимать в таком состоянии было просто нечем – нужные области мозга закрылись на щеколду и выставили табличку «Переучет». – В смысле, наоборот. С комплексами. Просто уже ввязалась, поэтому беру от жизни все. Новый опыт важнее всего остального.

– Интересный подход.

– Очень утешает в жизни. Когда мне пришлось побывать в суде, иногда держалась только на мысли, что вставляю этот опыт в свой будущий роман. И пусть меня оттуда спасет какой-нибудь о-о-о-о-очень крутой юрист.

– Спас? – заинтересовался Роман.

– Ну, в принципе, да. Но не за мои красивые глаза и добрую душу, к сожалению, – вздохнула я, вспоминая, как дрожали пальцы, когда я отправляла тому юристу весьма неслабый гонорар.

– Интересная ты.

– Это только поначалу...

– А потом что будет? – тут же спросил он.

– Потом вам надоест говорить со мной исключительно о проблемах людей, живущих только в моей голове.

Роман кивнул официанту и перечислил скороговоркой все то, что желает заказать. Меню он, кстати, так и не открыл.

А я как-то растерялась. Примерно пятнадцать раз я уже прочитала строчку «Гренки из черного хлеба с чесноком и салом», но так и не осилила вникнуть в остальные пункты.

Гренки не хотелось.

Блин!

Пришлось открыть раздел салатиков и ткнуть пальцем в первый попавшийся. Ладно, не жрать же я сюда пришла.

Омаров закажу, когда подцеплю какого-нибудь следующего эксцентричного миллионера. На оранжевом «Бентли», например.

Роман наблюдал за мной, раскладывая причудливо свернутую салфетку.

– Тебя, кстати, не смущает, что я к тебе на «ты», а ты все еще «выкаешь»? – любопытствовал он.

– Вообще нет, – фыркнула я. – Однажды я полтора года так общалась со своим психотерапевтом. Мне было нормально, он тоже не жаловался. А вы чего тогда нервничаете?

– Просто стало любопытно. По сравнению с твоими причудами мой зеленый «порш» – просто верх конформизма.

Я снова фыркнула.

– К тому же, – решила добить. – Так я выгляжу вежливой няшей, а вы невоспитанным наглецом!

– Или я выгляжу большим начальником, а ты подчиненной? – недобро сощурил он глаза.

– Нет.

– Нет?

– Неа.

– Но почему? – он решил прервать этот крайне информативный диалог.

– Я писатель, я так вижу!

Роман откинулся на стул, склонил голову набок и посмотрел на меня, как будто впервые увидел.

– Давайте лучше поговорим про проблемы миллионеров! – с энтузиазмом предложила я. Надо же как-то поддерживать беседу, раз он сдался.

– Ну наконец-то! Давай, рассказывай, какие у меня проблемы?

Он поддернул рукава темно-синего пиджака и, если крутые часы на левой руке я уже оценила, то ворох фенечек на правой меня изрядно удивил. Опа! Как интересно...

Знавала я одного топ-менеджера, который очень переживал, как будет смотреться бисерный браслетик на его руке во время заседания руководства одной очень-очень крупной компании. Браслетик тот был из тех, что заплетаются прямо на запястье жертвы и снять его, не повредив, невозможно. Браслет – ну и тот, кто его заплел – человеку был очень дорог, так что снять из вариантов исключили.

Но все-таки неприлично с хипповскими феньками в высшее общество, да?

Что же делать? Выбрать карьеру или человеческое тепло?

Вопрос столетия, прямо хоть роман пиши. Очередной. Где герой символически разрезает леску, объявляя миру о том, что продал сердце миру чистогана за очень большие деньги.

Или наоборот – дерзко демонстрирует фенечку Самому Главному Боссу, а тот как раз ищет в заместители человека, которому важны семейные ценности и некомфортность...

В жизни все было проще – купил он пиджак с рукавами подлиннее, да и пошел. Нет, с автором браслета они потом не поженились. Это была просто дружба.

Не «просто дружба», а просто – дружба. Те люди умели дружить без задних мыслей. Я немного скучаю по своей старой компании – точнее, по тем искренним и редким, как оказалось, отношениям.

У Романа на руке я успела заметить браслет из черных шершавых камней, кожаную косичку, что-то стальное, ворох разноцветных узелков и нитей, а потом он одернул рукав и встретил мой любопытный взгляд своим холодным.

Ладно, если он про цвет «Порше» никак не расскажет, про фенечки начинать бесполезно.

2

– Погодите! – сказала я чуть бодрее, чем надо. – А вы точно миллионер? Вдруг у вас все же машина в кредит до пенсии внуков?

Сначала спросила.

Потом вспомнила мем.

Потом заржала.

Потом пришлось объяснять, над чем.

Живых мужиков, в отличие от книжных, просто так не заткнешь, они умеют всю душу вынимать, если приспичило узнать, что я ржу над картинкой, где девушка в машине снимает трусики с вопросом «А ты точно... ..?»

Точно миллионер?

Точно психолог?

Точно владелец паблика MDK?

Ну и так далее.

Судя по взгляду Романа, мем впечатления не произвел. Ну и ладно, все равно 90 % моих шуток – для внутреннего употребления.

– Так, ладно, как считаем? – вернулся Роман к делу. – Сколько в акциях, в активах, сколько на счетах? На личных или корпоративные тоже берем? Кредиты вычитаем? Гранты куда? Облигации, которые никогда не будут погашены? ПИФы? Расходы на работников? Чистую прибыль? Не, а что ты думала? Так просто узнать, настоящий ли я миллионер?

Зеленые глаза шурились с потаенной насмешкой.

– Такое ощущение, Роман, как вас там по батюшке, что вы из специального комитета по проверке знания матчасти для писательниц любовных романов с миллионерами. Только и ждали случая, чтобы попасться мне на глаза и устроить экзамен!

– А кто тебе сказал, что нет? Вот не сдашь – и будешь писать только про инженеров и программистов.

– Можно еще про сантехников? – жалобно спросила я.

– Про сантехников это уже другой жанр... – с сомнением сказал Роман. – Немецкое что-то.

– Оооооу... – я тоже умею коварно усмехаться. – Ну, на самом деле не такой уж далекий он, этот жанр...

В этот момент он посмотрел на меня с новым интересом, а я прикусила язык.

Враг мой.

Чертова профдеформация.

Слишком спокойно я говорю о сексе. Многие мужчины почему-то принимают это за приглашение. Муж моей подруги, например, как-то счел согласием. Так потом и говорил, что ты же мне намекала! И в гости пришла сама! А я просто делилась какими-то трудностями в написании эротических рассказов и совсем не ожидала его рук в неожиданных местах.

– Ладно, давай смотреть, – Роман сунул мне под нос телефон с открытым приложением одного европейского банка. – Вот у меня на личном счете лежит два миллиона евро. Я уже могу считаться миллионером, налоговую декларацию не надо предъявлять?

Циферки были большие.

Надеюсь, это был и правда депозит, а не кредит.

Хотя какая мне разница-то? Я ж не замуж собираюсь, а убедиться, что он из нужного социального слоя. Так-то миллионный кредит тоже кому попало не дадут. И долгов на такую сумму сложно набрать, если не покупать «порши» всех цветов радуги направо и налево.

Тем временем официант принес наш заказ, и я едва удерживала язык на привязи, пока он расставлял тарелки.

Мой салат съедобным не выглядел, ей-богу.

Ворох зеленых листьев, гранатовые зерна, семена чиа, которые будут коварно застревать в зубах, какие-то полосочки мяса, больше похожие на жилы... Вот только кедровые орешки меня порадовали, но охотиться на них с вилкой – как-то чересчур экстремально, нет? Не еда, а развитие мелкой моторики для младшего дошкольного возраста.

– Ладно, – милостиво согласилась я, художественно перекладывая листики на тарелке с места на место. – Допустим, тест пройден. Давайте вы, Роман, назовите мне самый главный страх богатого мужчины в отношениях с женщиной, а я сверюсь со своим внутренним списком.

– Это легко! Все богатые мужики боятся, что баба с ними из-за денег, – рассмеялся он, откидываясь на спинку стула с бокалом минералки. Его стейк пока отдыхал под крышкой, а я ругала себя за то, что не попросила того же самого.

– Пффффф! Этот страх есть у любого нищebroда, даже если ему на «доширак» приходится три месяца копить.

– Серьезно? – неприятно поразился он.

– Один молодой человек, с которым я встретилаcь пару раз в глубокой юности... – рассеянно проговорила я, увлеченная ловлей кедрового орешка в своем салате. – Был уверен, что я пошла с ним на свидание, чтобы на халяву сходить в кино. Он-то был, конечно, не какой-то лох, чтобы вестись! И три часа под дождем таскал меня по выставке военной техники в Парке Победы. Но даже моя безропотность и то, что я с ним потом еще полчаса целовалась в метро, его не убедили. Ведь на второе свидание я не согласилась именно потому, что не удался мой коварный план! А вовсе не потому, что после поцелуя он сразу же списком рассказал, что мне надо сменить прическу, носить платья вместо джинсов и сумочки вместо рюкзаков. И купить чулки. Он любит чулки.

– Вау! – Роман вновь наклонился к столу, впиваясь в меня увлеченным взглядом. – Любопытный экземпляр. Ты ведь пошла с ним на второе свидание, чтобы доказать, что не такая?

– Нет, в юности я была жестока! Хотя через месяц нытья он даже назначил встречу в кинотеатре, представьте! Я правда тогда, увы, не вынесла жизненный урок, что, если как следует промариновать мужчину, он сделает все, что ты хочешь. А могла бы стать мудрой женщиной!

Кедровый орешек вновь ускользнул от меня в пещеру под грудой листьев. Да что ж такое-то... Ни в любви не везет, ни в салате!

– Не стала? До сих пор?

– В теории. Только в теории.

Я отвернулась, чтобы не сглатывать слюну, глядя на то, как он ловко разделяет великолепный стейк. Приду домой – закажу пиццу. И съем. Всю. Одна.

– Ла-а-а-а-адно... Вернемся к страхам миллионеров, – Роман прожевал кусочек мяса, отпил воды и продолжил: – Думаю, беспокойства о безопасности близких у твоих нищebroдов точно не было. Когда надо учитывать, что если конкурент окажется отморозком, мои жесткие решения в бизнесе могут поставить под удар родителей, сестру, жену...

– Вы женаты? – спросила я, быстро глянув на правую и, на всякий случай, на левую руку. Кольца не было.

– В теории. Только в теории, – отзеркалил он мою недавнюю отмазку.

– Сестра тоже в теории? – фыркнула я.

– Нет, сестра настоящая.

– Станные у вас отношения с воображаемыми друзьями. Зачем придумывать жену, если можно придумать любовницу и менять хоть каждый день? Воображаемая жена – это что-то фрейдистское. Желание контроля?

Боже. Он улыбается.

Половина моих знакомых вообще не поняла бы, что я несу и зачем.

3

Я решила свернуть психологические эксперименты над посторонними людьми:

– Хорошо! Дальше! Чего еще боятся миллионеры?

– Еще сплетен. Желтая пресса, скандалы... Обсасывание косточек мне и моей... воображаемой жене, – усмехнулся Роман.

– Не годится. Настоящие мужчины такого не боятся, им плевать на сплетни! – отрезала я. – А как насчет того, что после разрыва женщина сольет секретную информацию конкурентам? Она же невольно будет видеть и слышать много интересного.

– Кххххм... ммм... – он казался озадаченным. – Мне такой вариант в голову не приходил.

– Ха! Надеюсь, я не подарила вам новый невроз.

Роман отрезал еще один кусочек стейка и чуть не поперхнулся под моим хищным взглядом.

Замер, не донеся вилку до рта:

– Поделиться?

– Нет, спасибо! – гордо отвернулась я.

– Ну и хорошо. Ненавижу, когда девушки на свидании таскают у меня из тарелки еду.

– Это свидание?!

Он только усмехнулся и продолжил есть, ничего не ответив.

Ну ладно...

– Чего там мужчины еще боятся...

– Что женщина в постели имитирует оргазм, – подсказал Роман. – Но, наверное, не только богатые.

– У меня в книгах таких женщин нет, – отмахнулась я. – Все сексуальны и ненасытны.

– В жизни на месте мужчины тебя бы ждало большое разочарование в женщинах...

– А на месте женщин в вас?

Когда-нибудь я перестану выпаливать вслух все провокационные шутки, что приходят мне в голову. Надо же как-то фильтровать. Но не сегодня. Точно не сегодня.

Роман медленно положил вилку на тарелку, аккуратно вытер руки белоснежной салфеткой и сощурился на меня:

– Ты, конечно, можешь сколько угодно считать, что я добрый и великодушный и не делаю тебе ничего плохого. Но все-таки реальность надо осознавать?

Он выглядел слегка... нет, не оскорбленным, но явно более злым, чем до этого. Неужели большое место?

– Ну и что вы сделаете? – хмуро поинтересовалась я. – Отомстите мне за дерзость? Как?

– Устрою, что никто не будет покупать эти твои романы, например. У сайтов, где они продаются, есть владельцы, и надавить на них проще простого.

Он сделал знак официанту и тот мгновенно утащил недоеденный стейк и заодно мой едва тронутый салат. И тут же принес кофе и десерт.

Роману, разумеется, я-то опять промахнулась с меню.

– Ради скуки вы вряд ли будете так заморачиваться. Разве я уж совсем сильно вас чем-то обижу, но пока вы зарекомендовали себя как адекватный человек с чувством юмора.

Именно так я и думала, но по позвоночнику все же пронесся холодок. Разные бывают люди. Некоторые за одно безобидное слово могут убить. Или хотя бы попытаться.

Вдруг Роман таки отомстит за намеки на свою постельную несостоятельность?

– Расслабься, – сказал он, вдруг улыбнувшись. – Хочешь мой десерт?

И он подвинул ко мне мисочку с крем-брюле. С обожженной сахарной корочкой, все как положено!

– Можно?.. – с замиранием спросила я. – И корочку можно сломать?..

– И корочку можно, – кивнул он, довольно улыбаясь как рыжий котик уже из другого мема. Но в этот раз я промолчала – второй урок мемологии за вечер был бы перебором.

Боже, такого предложения я не получала никогда и ни от кого!

Взяла протянутую десертную ложку на длинной ручке, потянулась и... цокнула по карамельному льду поверх заварного крема.

Амели была права – это полный и окончательный оргазм!

– Спасибо... – я почти прослезилась. – Больше не хочу.

И отдала ему ложку.

Сам десерт меня уже не интересовал.

Роман некоторое время смотрел то на меня, то на осколки сахарной корочки в волнах крема, потом покачал головой и стал есть.

– Все писательницы такие странные или это твоя личная особенность?

– Всего понемножку, – легкомысленно отозвалась я. – У вас очень красивый голос, вы знаете? Такой... глубокий. С оттенками и разным настроением. Как дорогие духи, которые постепенно раскрываются по нотам и на разных людях звучат по-разному.

– Спасибо, – отозвался он. – Я брал уроки вокала и развития речи. Это очень полезно на переговорах и в управлении людьми.

– Вау! Хороший пойнт, украду! – обрадовалась я. Наконец-то этот стремный вечер окупается. – А то обычно властные герои как будто рождаются уже такими секс-тиграми с будоражащей хрипотцой. Будет интересно для разнообразия описать того, кто сам себя прокачал!

– Бизнесмены часто проходят такие курсы, особенно, если надо много общаться с людьми.

– На самом деле я думаю завязать с миллионерами, – поделилась я. – Буду писать про темных эльфов. У них такие голоса от природы. Играли когда-нибудь в старый «Варкрафт»? Там посылаешь куда-нибудь эльфийские войска, а они таким сексуальным шепотом: «Да-а-а... Будет исполнено!» Господи, девочке в юные годы такое слышать в тишине пустой квартиры было просто ах!

– Никогда не играл в компьютерные игры, считаю их пустой тратой времени, – равнодушно отозвался Роман.

– Ну и зря, – фыркнула я.

– Что ж, выдуманные миры – это твоя работа. В реальности ставки выше и потому интереснее.

4

Роман доел крем-брюле под моим пристальным наблюдением и наконец пришло время счета.

Я потянулась к кожаной папочке, но он насмешливым взглядом пригвоздил мою руку к столу:

– Самая богатая?

– Просто не хочу быть обязана, – пожала я плечами.

– Обязана? – теперь я знаю, что это вибрирующее изумление в его голосе присутствует там с ведома и по поручению хозяина. – Мои шлюхи на вечер стоят в десять раз дороже этого ужина. Не унижай меня предположением, что я могу так мало заплатить женщине за секс.

За секс, значит?

К счастью, явившийся с терминалом для карточек официант удержал меня от высказывания первых десяти саркастических, непристойных и крайне рискованных шуток на эту тему.

Потом Роман поднялся, жестом приглашая меня проследовать за ним к выходу, так что высказаться получилось уже только на улице.

– За секс? За секс, значит? – прошипела я, как горгулья. – У нас дальше по плану что – страстный трах в вашем зелененьком «Порше»?

– Почему бы нет? – он поймал кинутые парковщиком ключи от машины и открыл мне дверцу.

Я смирила его взглядом.

Вообще-то я девушка не слишком высокоморальная. У меня все отношения начинались с секса на первом свидании.

Это в романах желательны девственницы или, в крайнем случае, глубоко приличные женщины, чей счетчик входящих остановился задолго до двузначного числа.

Мне, слава богу, можно вести себя, как хочется.

Но...

Никто лучше меня и моих коллег-писательниц не знает, почему обычной девушке не нужен миллионер. У меня этих причин – полный файл, для каждого романа новые. Могу зачитывать в лицах и даже устроить часовой стендап на эту тему. Любой миллионер заплачет от своей ненужности и убежит, не дослушав.

Если, конечно, он не окажется «настоящим мужчиной» – то есть, упертым бараном и властным героем.

Но такие есть только в книгах, и слава богу.

Связываться с этим я не собиралась.

У нас тут не эротическое фэнтези. Скандальных особенностей анатомии мне не светит, истинных пар не бывает, а единственное существующее приворотное зелье – рогипнол, «наркотик изнасилований».

В реальности у меня нет умирающей от рака матери, я не задолжала бандитам ни свою давно утерянную девственность, ни квартиру, так что раскручивать его на деньги мне без надобности.

Даже влюбляться с первого взгляда не умею.

Дружба вообще гораздо лучше отношений. Можно прощать огромное количество косяков, просто обходя их стороной в разговоре. Абсолютно все равно, что он думает о геях, правах женщин или смертной казни. Закрывает ли шкафы на кухне и застилает ли по утрам постель.

Поэтому никакого секса в «Порше», как бы ни обидно было упускать такой шанс.

– Я на метро! – и с независимым видом я направилась в какой-то узкий переулок между двумя домами, не имея ни малейшего представления, где вообще нахожусь.

Наверное, я все же чуточку заигралась в простую девушку и властного героя любовного романа. Ждала, что он окликнет, догонит, убедит все-таки доехать с ним. Попросит телефон.

Проверяла, насколько ему это интересно.

Так же, как мне – или поиграл за ужином и хватит?

Об этом я уже не узнаю.

Потому что Роман, красавчик и миллионер с зелеными глазами, за мной так и не последовал.

Я завернула за угол, прошла еще немного, завернула за следующий, обогнула какой-то дом и остановилась.

Обернулась.

Совершенно точно не последовал.

Каков наглец, а?

Я вздохнула и достала телефон, чтобы вызвать такси.

Ну и ладно. Кто еще больше потерял!

Черт, но почему «Порше» у него зеленый, я так и не узнала...

Будни

1

Как легко принять решение «надо выкинуть его из головы» и как тяжело его выполнить! Тысячи лет человечество пытается справиться с этим багом своей психики – и до сих пор никакого прогресса.

В темноте черепной коробки, в моем маленьком театре, где обычно жили, любили, ругались, совершали глупости, целовались и трахались герои моих книг, теперь сцену захватил один Роман.

Я проигрывала один за другим альтернативные варианты нашей встречи.

Я:

– соглашалась на секс

– отказывалась от ресторана

– струсив, уходила в самом начале

– признавалась ему в любви

– звала к себе домой

– бросала все и улетала на Бали на месяц, чтобы забыть к чертям все эти глупости, пить коктейли, валяться на белоснежном пляже и жрать экзотическую еду.

В моей голове он никогда не уезжал просто так.

В моей голове я заводила крышесносный роман с Дэвидом Теннантом или Александром Скарсгаардом, встретив их где-нибудь в Лондоне или Венеции, и больше никогда не вспоминала Романа.

Это были мои истории, я в них всегда побеждала.

А в реальности нет.

Меня бесило, что из-за этого я практически не могла работать. Все мощности моего внимания и фантазии были подчинены одному такому идиоту на зеленом «Порше», чтоб его! Я едва вымучивала из себя дневную норму текста и старалась не перечитывать то, что получилось – и без того знала, что кошмар.

Слишком мало было в моей размеренной жизни ярких событий, чтобы наша встреча прошла бесследно. Он взбаламутил мое болотце, и дрессированные лягушата, поющие хором истории о вечной любви, попрятались в камышах и подавали голос не в лад и не по теме.

Это было ужасно.

Но любой след рано или поздно стирается. Даже цунами прокатывается всей разрушительной мощью – и поверхность воды снова становится сонной и гладкой.

Вот и я однажды провела целый день, ни разу не выглянув в кухонное окно, откуда было видно то место, где стоял зеленый «порш».

Все вернулось на круги своя.

Я восхищаюсь теми коллегами, которые способны писать между заменой памперсов ребенку и приготовлением ужина на всю семью. Уважаю. Завидую. Но сама так не могу.

Чтобы написать книгу, я должна... заскучать. Остаться наедине с пустым пространством в своей голове. Никаких волнений, никаких потрясений.

Любое нарушение покоя губительно. Будь то носатый миллионер или внезапный визит газовщиков для проверки счетчика. Если этого нет в рутине моей жизни – оно неизбежно помешает писать.

Мне подходит только размеренная жизнь: проснуться, позавтракать, потупить в интернет, ответить на комментарии, пообедать, уйти гулять на пару часов, поужинать, посмотреть сериал, лечь спать.

Скучно. Предсказуемо. Спокойно.

А в промежутках вдруг ухватить за хвост разноцветную мысль, потянуть ее к себе, верещащую и упирающуюся, пригвоздить к столу и всмотреться в пылающие круглые глаза. А? Что расскажешь?

И она начнет говорить человеческим голосом.

«Бывший муж должен умирать в день развода. Желательно мучительной смертью, но сойдет и обычная».

«Есть ли более неловкий момент, чем когда засматриваешься на красивого, мускулистого мужчину с роскошными татуировками по всему телу, а он ловит твой взгляд и подмигивает?»

«Тридцать пять лет, восемьдесят килограмм, библиотекарь, живу с мамой. Кажется, я нашла заклинание молчания для сайтов знакомств».

И после этого ее уже фиг заткнешь.

Она треплется, не закрывая пасти, надиктовывая иногда целые абзацы – только запоминай. Записывай. Наговаривай на диктофон – и плевать, как на тебя смотрят покупатели в «Пятерочке», пассажиры маршрутки в Мексике или гости на фуршете в посольстве.

Иногда одна короткая, в пять тысяч знаков, глава пишется полчаса. Села – и вынула из головы готовый текст.

Иногда – двое суток.

Было бы, конечно, здорово писать каждый раз за полчаса... и так честный рабочий день – шестнадцать раз по полчаса, как на заводе.

Но – увы.

Я об это обломалась еще в юности, когда писала статьи на заказ.

Хотелось как в учебнике математики для пятого класса: если Алисочка пишет одну длинную муторную статью за четыре часа и получает за нее двадцать пять долларов, как сказочно разбогатеет Алисочка за месяц, если будет работать все шестнадцать часов бодрствования с учетом одного выходного в неделю?

Никак. Никак не разбогатеет, потому что будет писать максимум две муторные статьи в неделю. А попробует писать четыре – выгорит и сдохнет.

Поэтому я брожу по квартире с ноутбуком из кухни в комнату, перебираюсь с кровати за стол, а оттуда на балкон, а с балкона на пол, где у меня гнездо из вороха пледов.

Это такая ловушка на яркую яркую мысль.

Я делаю чай, чищу зубы, мою плиту, разбираю ящик стола.

Скучаю.

Смотрю в пространство пустыми глазами, замирая с зубной щеткой напротив зеркала, но вижу там уже не себя...

Тут и включаются те самые полчаса.

Примерно таким бесцельным шатанием я и занималась через пару недель после странной встречи с Романом. Шлялась по квартире в одних трусах, громко вздыхала, щелкала выключателями, барабанила пальцами по дверце холодильника и никак не могла собрать воедино нужную сцену.

На этот раз Роман был ни при чем, но я уже как-то привыкла его обвинять. Толку никакого, зато приятно.

Лежащий на подоконнике телефон беззвучно включился и показал на экране вызов от незнакомого номера.

Опять спамеры? Ну раз уж увидела звонок – хоть на хрен кого-нибудь пошлю, оттянусь.

– Алло! – раздраженно буркнула я в трубку.

– Сиськи зачетные! – заявил подозрительно знакомый голос.

2

– Роман?... – осторожно спросила я.

Не скажу, что у меня много знакомых с такими медово-бархатными голосами.

– А кто ж еще?

– Откуда ты знаешь про мои сиськи?

– Так в окно вижу!

Я взвизгнула и спряталась за желтую газовую занавеску.

– Все равно вижу!

– Извращенец! – прошипела я, судорожно сдергивая покрывало с дивана и заворачиваясь в него.

– Я извращенец?! Я?! Ты отсюда, как на ладони. Часто так стоишь?

Вот так – лицом к окну с задумчивым видом и крайне неодетая? Блин, часто! Фигасе, сколько лет я радовала соседей по двору, уверенная, что полупрозрачный тюль спасает меня от лишних взглядов!

Бочком подобравшись к окну, я выглянула из-за занавески. Роман помахал мне от припаркованного на газоне зеленого «Порше».

– Что ты вообще тут делаешь?

– Думал, заеду, встречу тут еще кого-нибудь дикого и безумного, будет еще один интересный вечер, – ехидно ответил он. – А тут ты. Ну, я и подумал – зачетные сиськи, зачем мне еще кто-то? Эту возьму.

– Как ты узнал мой телефон?

– Ну... – он усмехнулся и оперся спиной на шершавый ствол липы, наплевав на то, что может испортить свой дорогой костюм. – Хоть ты и говорила, что я поленюсь, я не поленился. В договоре-то у тебя есть и телефон, и адрес...

– В каком договоре?

– С сайтом.

– С каким сайтом?... – я все еще тупила.

– А у тебя много сайтов, на которых ты издаешься? – удивился он. – Ну, значит, будешь долго гадать, кто тебя сдал всего лишь за бутылку сорокалетнего «Макаллана».

Я застонала прямо в трубку:

– Лучше б ты объявление на столбе повесил! За сорокалетний «Маккалан» я бы сама тебе позвонила!

Роман расхохотался, пару раз стукнувшись затылком о ствол липы.

– Буду знать на будущее! – сообщил он. – Ладно. Мы так и будем по телефону трепаться, как в американской тюрьме, или что?

– Сейчас выйду, – вздохнула я.

Давненько меня никто не звал погулять, выкликивая со двора.

Я впрыгнула в джинсы, тщательно упаковала свои «зачетные сиськи» в самый закрытый бюстгальтер и самую плотную футболку и выскочила во двор.

– Ты вроде была другого оттенка, – с сомнением сказал Роман, разглядывая мои растрепанные волосы.

– Захотелось поярче, – пожала плечами.

– Ты красишься? – задал он невероятно логичный вопрос.

– Ну да. Я хотела сиреневый, – поделилась я, глядя на солнце сквозь апельсиново-рыжую прядь. – Но после того, как написала книгу про героиню с сиреневыми волосами, уже как-то неловко. Будут думать, что я про себя написала.

– А ты про себя?

– Нет, дорогой... – интимно выдохнула я полупшепотом. – Ты у меня первый миллионер.

– Все вы так говорите, – проворчал Роман.

– Ладно, второй! – призналась я неохотно.

Первый у меня в гостях даже кофе пил. А потом сбавил всемирно известную игру, умотал в Долину и с тех пор не отвечает на сообщения.

Правда, я их писала в «аське», случайно откопав свой старый номер, в котором весь контакт-лист был в глубоком оффлайне, так что, может, и не зазнался...

Остальные знакомства времен журналистики можно ведь не считать, да?

Роман смерил меня долгим взглядом сощуренных зеленых глаз. Под яркой зеленью лип они казались еще ярче, чем в полутьме его машины.

Я его тоже смерила – старалась выглядеть так же опасно и надменно, как он, но не уверена, что получилось. Когда ты рыжая и растрепанная творческая личность в растянутой футболке и старых джинсах, а он дьявол в элегантном костюме и аж светящейся белизной рубашке, как-то автоматически мяч переходит на вражескую сторону поля.

3

Разрушая пафос момента, мимо прочапала с сумками из магазина моя соседка.

Я вежливо поздоровалась и помахала, но Роман интересовал ее куда больше. Она чуть в дерево не врезалась, так выворачивала шею в его сторону.

– Будет сплетничать, – заметил Роман, тоже провожая ее взглядом. – К вечеру сообщит всем твоим знакомым, что у тебя тут красивые и богатые под окнами на сиськи пялятся.

– Не будет, – отмахнулась я. – Она ученая уже. Работала в моей школе и как-то решила настучать моей маме, что я курю.

– А мама что?

– Мама сказала, что я взрослый человек и, получив паспорт, имею право сама решать, что делать со своей жизнью. Она и затихла. Даже развод мой никто не обсуждал.

– Ты заметила, что перешла со мной на «ты»? – вдруг спросил Роман. – Когда успела?

– Ой!

Где-то в своих долгих воображаемых беседах с ним я и потеряла это «вы». Сроднилась. Можно сказать, я теперь была с ним была знакома гораздо плотнее, чем он со мной.

– Права народная молва, – усмешка искривила твердые губы. – Лучше день потерпеть, чем неделю уговаривать. Может быть, и в кроватку к себе позовешь?

– Неа, – качнула головой. – Никак. Еще не купила новое постельное белье.

– Господи, это-то зачем? – изумился Роман.

Его ехидно-высокомерная маска треснула, он даже выпрямился и расплел сложенные на груди руки.

– У меня есть красное, но на нем пятно, черное, но немного рваное, радужное с зайчиками, но трахаться на нем как-то неприлично, – начала перечислять я, загибая пальцы. – Ну и всякое в цветочках, недостаточно стильное, – я кивнула на его элегантный костюм. – Для миллионеров. Так что с постелькой опять облом.

Я развела руками.

– Давай я тебя в отель тогда позову?

– Фу, ну не. Это совсем какой-то не про меня сюжет.

– Тогда хоть поужинаем?

Внутри меня взорвалось несколько разноцветных фейерверков и забил искрящийся фонтан с золотыми огоньками.

Но...

– Нет, прости, мне нужно писать... – вздохнула я.

– Твой этот любовный роман? И ты из-за этого отказываешься? – кажется, не поверил своим ушам Роман.

– Ну да... – я вздохнула еще раз и смущенно дернула полу футболки. – Я сегодняшнюю норму не написала еще. Если б ты предупредил, что припрешься, я бы постаралась с утра закончить. А так вечером у меня самое вдохновение.

Вообще мало кто считает писательниц любовных романов настоящими писателями. Даже копирайтер – это тяжелая работа, про это все понимают. А романчики про любовь – фигня же, что тут писать-то? Поэтому мне всегда неловко из-за этого отказываться от болтовни в чатах или встреч. Вроде как отфутболиваю людей из-за ерунды. Хотя и сама знаю, что не ерунда, но смущение никак не искоренить.

– То есть, ты не пойдешь со мной в ресторан, с настоящим, как сама говорила, красивым миллионером, чтобы писать о выдуманном миллионере? – уточнил Роман еще раз.

– Типа того.

– И ты так каждый день?

– Почти. Иногда у меня бывают выходные.

Я не стала уточнять, что примерно раз в полгода.

– Скучная у тебя жизнь...

– Пффф! А ты думал – писательницы любовных романов делают это в постели со своими героями? Пошла такая, сняла миллионера в вашем специальном миллионерском «Тиндере» и, поставив ноутбук ему на спину, как в «Опасных связях», написала главу с натуры?

– Не, но... – Роман потряс головой, словно моя болтовня, закатившись ему в уши, превратилась в маленькие медные шарики и теперь они там катались, сталкиваясь и перезваниваясь.

– Вообще-то ты тоже должен заниматься какой-то работой, – намекнула я.

– Круглое тащить, квадратное катать... – загадочно пробормотал он и направился к своей машине. Открыл дверцу и обернулся ко мне:

– Точно не поедешь?

– Точно... – вздохнула я, сама себя пиная в бок за такую глупость.

Но мне ПРАВДА надо было писать!

– Ну что ж, привет твоим выдуманным красавцам. Надеюсь, с ними тебе будет интереснее, – бросил он, захлопывая за собой дверцу и с визгом стартуя с места, как гонщик «Формулы-1»

Ну да, ну да.

Если я хоть что-то понимаю в мужчинах – он еще вернется.

Позер.

Между

1

Он позвонил через три дня.

Телефон я нащупывала вслепую, потому что у меня летел в голове текст. Летел быстрее, чем успевали набирать пальцы, я даже не сумела удивиться имени на экране телефона, только рассеянно брякнула в трубку:

– Да?

– Поехали в ресторан.

Без «здрасте», без «как дела?»

Кстати, спасибо ему за это, потому что у меня на уме было только:

«На лице его смесь облегчения печали и тоски... – Возвращайтесь! – Искренне говорит он, овладевая собой и думая, что избежал искушения. А зря...»

И совершенно не до пустых формул вежливости.

Я уже научилась не произносить вслух то, что вертится на языке, когда общаюсь с людьми «снаружи». Просто держу фразу на кончике мысли, пока отвечаю рассеянно:

– Извини, я сегодня занята...

– Жаль.

У него в голосе какая-то интересная и сложная интонация, мне бы ее поймать на будущее и пристроить к делу, но некогда. Так не вовремя это все!

– Пока!

В следующий раз он позвонил через неделю. Настроение в этот раз было совсем иным. Уже часа три я бестолково маялась, пытаюсь написать сложную сцену. Чистила чеснок, отмывала дверцы шкафов, качала пресс, смотрела по пять минут всех отложенных на будущее сериалов и дико бесилась от того, что не пишется.

– Приезжай в гости! Прямо сейчас! – нагло заявил Роман. – Водителя подгоню.

Некоторое время я выбирала между ответами «А в рот тебе не плюнуть жеваной морковкой?» и «А поебаться тебе не завернуть?»

Но признала первый слишком детским, а на второй он мог и согласиться. К тому же я была адски раздражена и больше всего на свете мне хотелось испортить настроение кому-нибудь еще.

– Слушай, я же тебе все объяснила, – сообщила я своим самым занудным голосом. – У меня режим, план и дела. Чтобы я освободила время, нужно меня заранее предупредить. А не «прямо сейчас». Я вот знаю даже, как ты стал миллионером.

– Как? – он заглотил наживку.

– Начал с миллиардера, но разорился, потому что не мог следовать элементарным указаниям!

Кажется, кто-то скрипнул зубами.

– Наоборот, – прошипел он. – Только нарушая правила, я и стал миллионером.

– Кстати, а ты в евро миллионер? – заинтересовалась я.

– В бутылочных крышечках!

– Сорян, это из другой сказки, я только в «Симс» играю.

– Нравится манипулировать людьми?

– Особенно топить их в бассейнах без лестниц и сжигать в комнатах с каминами!

– Я тебе в другой день позвоню.

Ага! Испугался! В его особняке наверняка есть бассейны и камины.

В гости теперь вряд ли пригласит...

В третий раз он позвонил, когда я изо всех сил пыталась разучить ирландскую джигу с мечами на ролевом балу, куда меня позвали в честь кельтского праздника начала осени – Лугнасада.

– Что делаешь? – прошелестел в трубке ленивый расслабленный голос.

– Бухаю и дерусь! – честно призналась я, пытаюсь отдышаться и протягивая легкие дюралевые мечи кому-то, кто занял мое место в кругу. Как эти люди танцуют со стальными, мне интересно? У меня и с этими запястьями ноют.

– Ты шутишь? Издеваешься? Тебя только для меня никогда нет?! – лень в голосе сменилась бешенством.

– Почему? – искренне и наивно удивилась я. Чтобы запугать своими суровыми интонациями пьяную девушку, только что танцевавшую джигу с эльфами, надо кое-что посильнее курсов вокала и риторики. – Просто мне сказали время, я все разгребла, устроила себе выходной и поехала.

– Иди ты! – он просто бросил трубку.

А вот теперь точно обиделся. Перегнула, да? Но сегодня мне себя даже не в чем обвинить.

Все так и было, как я рассказала!

Августовский сидр пах спелыми яблоками и пузырился в крови, ритм джиги подбрасывал с места, а звон мечей будил что-то древнее, воинственное в душе – и я забила.

Просто забила. Хрен с ним.

Ночь

Кто кладет в сумку зонтик, собираясь на бал?

Вот и я не положила. Хороший такой зонтик. Красный, в черные большие горошины, похожий на божью коровку. Лежал сейчас где-то там в прихожей, сокрушался, наверняка, что не дают поработать.

А я стояла на сухом кусочке лестницы, ведущей из метро, почти у самого выхода, так что до меня долетали мелкие брызги летнего ливня и тоже думала о нем. Ах, если бы мы были вместе!

В переход ныряли счастливики с большими зонтиками: черными, серебристыми, расписанными индийскими узорами, радужными, так что каждый клинышек своего цвета, с принтами в виде картин, в цветочек и креативными, с «факом дождю».

Я смотрела на демонстративно вздувающиеся на лужах пузыри и понимала, что ждать больше смысла нет. Вздохнула, зажмурилась и нырнула под ливень. Можно было бы подождать троллейбуса, но дождь был такой летний, такой теплый, что мне захотелось пройти вместе с ним по бульвару.

Поначалу назойливые капли, барабанившие по голове и противная холодная водяная пыль, летящая в лицо, ужасно раздражали, но когда я наконец вымокла целиком – и сверху, и снизу, я вдруг услышала ветер, шумящий где-то в верхушках лип, почувствовала запах хорошо промытой зелени и мокрого асфальта, ощутила, какой он теплый, этот летний дождь и... начала улыбаться.

Идти по гравийной дорожке вдруг стало скучно, и я отошла с нее в мокрую траву, которая оббивала мои лодыжки как морские водоросли. Мимо лихо промчалась по лужам ярко-оранжевая машина, прошел хмурый мужчина с зонтиком – я на секундочку представила, как он сейчас развернется, подойдет ко мне и так же молча и сосредоточенно укроет меня от дождя. Проводит до дома и уйдет, даже не попросив телефона.

Но, видимо, серьезные мужчины не считали, что рыжим девушкам в насквозь мокрых платьях нужна их защита.

Ну и прекрасно! Зонтик только испортил бы мое волшебное состояние – я чувствовала себя, будто на границе двух миров. Нормального, где в оранжевых окошках люди пьют горячий чай и сокрушаются, что дождь зарядил до утра. И волшебного, в котором я подумала-подумала, да и скинула босоножки, чтобы пробежаться босиком среди мокрых деревьев в темноте – не видимая ни для кого, мокрая и свободная.

Прохожие наверняка подумают, что я сумасшедшая.

Ну и что?

Осколки, которые наверняка прятались в густой траве, разбежались, когда я прошла по ней, теплой и мокрой, пропуская травинки между пальцами ног. Ощутила острый укол счастья, как от всякой вещи, что делаешь впервые, потому что раньше не приходило в голову, как это здорово.

«Это как водоросли, – подумала я. – Они колышутся в воде, и я иду по дну, а сверху только темная толща моря».

Прохожие меня больше не волновали.

Подумаешь, городская сумасшедшая! Да кто меня заметит в темноте? Я шла по траве, и мне казалось, что это самое приятное занятие на свете. И самое естественное.

Дойдя до своего подъезда, я развернулась и решила обойти дом с другой стороны. Домой не хотелось – хотелось смеяться.

Ну точно – сумасшедшая!

Я дотронулась до ствола липы под своим окном и шепнула ей:

– Привет...

Запрокинула голову, ловя теплые капли, и крикнула в темное мокрое небо:

– Привет!

Небо ответило яркой вспышкой молнии и расхохоталось в ответ громом.

Интересно, когда я почувствую, что наигралась? Когда дождь станет слишком холодным, ступни грязными, а взгляды прохожих – неприятными? Ведь все чудеса обязательно кончаются.

Надо было сворачиваться, пока не стало поздно. Пока этот сумасшедший летний дождь бурлил вокруг радостью.

Но я никогда не умела останавливаться вовремя.

Или было уже поздно для того, чтобы передумать быть сумасшедшей женщиной под дождем, которая счастлива от того, что гуляет босиком по траве?

Если бы сейчас я вдруг оказалась где-нибудь в метро или в магазине среди людей, даже сухая и в босоножках, они бы по выражению моего лица поняли бы, что я ненормальная.

А ведь мне так долго удавалось это скрывать! Люди смотрели на меня и видели обычную взрослую тетеньку тридцати с хвостиком лет, которая никогда бы не стала бегать босиком по лужам. Это негигиенично, в конце концов!

Мы, взрослые тетеньки, очень долго учимся выглядеть нормальными. Некоторым удается притвориться настолько хорошо, что они забывают, какие они настоящие.

Я еще напоследок немного попрыгала в глубокой луже и бегом вернулась за забытыми под липой босоножками. Голова кружилась, как будто ароматный сидр еще не выветрился, хотя на самом деле я была пьяна от совершенно других вещей, и даже сразу не поняла, почему дергаю дверь подъезда, а она не открывается.

Точно!

Ключи!

Я засмеялась от того, как далеко успела уйти по еле видным тропинкам, по которым ночью под дождем ходят только волшебные феири, достала ключи и ткнула в замок «таблеткой».

Распахнула дверь... и тут чья-то рука придержала ее раньше, чем она ударилась о стену. Острый страх плеснул в лицо ледяной водой, напрочь смывая с него улыбку.

2

Я резко обернулась, упираясь лопатками в дверь, и встретила взгляд спокойных зеленых глаз.

– Ой! Роман?! Ты откуда?!

– Ты проскочила мимо и даже не поздоровалась, – с упреком заявил он, придерживая ногой в строгом черном ботинке норовящую захлопнуться тяжелую дверь. Он снова был в черном костюме, но без галстука. И рубашка была не белой, а темно-красной. На фоне предыдущих версий такой вариант выглядел расслабленным и тусовочным.

– Я тебя не заметила. Я... – пытаюсь сообразить, как давно он за мной наблюдал и слышал ли наш разговор с грозовым небом, я всматривалась в его лицо. – ...думала про сюжет. Знаешь, всегда становлюсь рассеянной, когда герои в голове выясняют отношения.

Даже не знаю, что из этого безумнее выглядит – подобная рассеянность или то, как я только что скакала под дождем.

– Я заметил.

– А что ты тут делаешь? – я выудила из рюкзака телефон. – В одиннадцать вечера?

– У тебя же сегодня выходной? Заранее спланированный и одобренный? – уточнил он. – Сама сказала.

– Ну... да, – я тряхнула головой, чувствуя, как струйки еще теплого дождя стекают по шее и щекам, заползают под платье.

– Поехали со мной гулять?

Черт, в любой другой день я бы вспомнила, что ночь, что я вся мокрая, что он какой-то стремный, что непонятно, зачем это все, что оно мне не надо, что завтра куча дел, что я хочу аспиринку и спать, что...

Но приключение!

Нет ничего хуже, чем вернуться домой с прогулки по волшебной стране, почистить зубы и лечь спать, с тоской чувствуя, как тает в крови что-то неуволимо сказочное.

Так ведь кончается большинство приключений в нашем мире.

Бродишь по таинственным развалинам, чувствуешь мелодию в зове ветра, дрожат внутри струны, отвечающие за жажду чуда...

Однако дверь в Нарнию не открывается. И машина не сбивает на переходе, чтобы, открыв глаза, ты оказалась в постели Самого Главного Дракона, за которого надо выйти замуж. Но сначала спасти мир.

В общем, как бывают адреналиновые наркоманы, которых тянет прыгать с высоток, спускаться с крутых гор и лететь по дорогам с бешеной скоростью, так меня всю жизнь, с детства, тянуло на чудеса. Стоит обычной тропинке между домами поманить дымкой цветущих яблонь, обещаая дорогу на Авалон – и я бегу по ней, надеясь только на то, что однажды действительно попаду в сказку, а не выйду к помойке рядом с трансформаторной будкой.

Хорошо, что человечество придумало алкоголь, наркотики и секс. Можно притвориться, что они вполне заменяют недостижимое волшебство.

Поэтому я кивнула, сказала:

– Подождешь?

И захлопнула дверь квартиры перед носом Романа.

Наскоро вытерла волосы полотенцем, переделалась в сухое платье и засомневалась только в босоножках.

Выглянула за дверь.

Он стоял, прислонившись плечом к стене и задумчиво рассматривал большую паутину, сплетенную в углу над лестницей. Там уже запуталось несколько огромных комаров, ночная моль и даже шмель. Пауков я боялась меньше, чем всех этих тварей, поэтому регулярно говорила им «спасибо».

– А гулять – это куда? – поинтересовалась я.

– Вечеринка в отеле, – не отрываясь от наблюдения за живой природой, сообщил он.

– Ого!

Сам бог велел выпендриться, поэтому я выбрала другие босоножки – на высоченной платформе, в которых я могла ходить только как гейша, мелкими шажками. Зато какой длины у меня становились ноги...

И другое платье – ассиметричное, с длинным «хвостом», зато спереди открывающее мои ноги ровно до той точки, где кончается идеальная форма и начинаются слишком полные, на мой взгляд, бедра.

Я даже нарисовала стрелки на глазах, которые, как водится, получились безупречно – именно потому, что я рисовала их наскоро, в полутемном коридоре, попутно поправляя сползающие ремешки босоножек.

Конечно, я надеялась, что вечеринка в отеле хоть как-нибудь меня удивит, хотя и не верила в это. Люди в целом на редкость банальны в своем выборе развлечений. Как я уже сказала – алкоголь, наркотики и секс. У тех, кто побогаче – дорогой алкоголь, редкие наркотики и извращенный секс.

Я была готова к чему угодно.

И пока мы с Романом неслись по ночной Москве под нежное урчание двигателя «Порше», я краем глаза изучая его четкий профиль и изо всех сил настраивалась не удивляться. Приключение так приключение.

Дорожки кокаина на зеркальных столах?

Затопленные подвалы заброшенной много лет назад советской гостиницы?

Чинный ужин с английским чаем с молоком, сконами и персиковым джемом?

У меня все отлично с фантазией. Попробуй меня удивить!

...удивил.

Вечеринка в отеле

1

...гигантский камин, в который можно зайти целиком, не пригибаясь. Канделябры с желтоватыми восковыми свечами на стенах, обитых тисненым шелком...

Мы шли вдоль длинного стола, укрытого темно-красной скатертью, уставленного серебряными блюдами с фазанами, перепелками, молочными поросятами, вазами с фруктами, бутылками вина в пеньковой оплетке, многоярусными тортами на подставках.

...картины от пола до потолка в резных золоченых рамах, словно мы не в гостинице, а в музее; бронзовые статуи, тяжелые бархатные занавеси с кистями и даже мраморный фонтан...

Мне хотелось уцепиться за руку Романа, как маленькой – чтобы не потеряться здесь, в средневековом разврате и избыточности, в ароматном дыму, расстилающемся из низких напольных курительниц и муторной, вязкой музыке, вгоняющей в транс.

...напудренные парики, тугие корсеты, почти полностью открывающие грудь, расшитые золотом пышные рукава, но ниже пояса – лишь стринги из тоненьких цепочек с нанизанными камнями и тонкие высокие каблуки прозрачных, будто стеклянных туфель...

Вдоль стола в тяжелых вычурных креслах сидели мужчины, похожие на Романа как близнецы – в дорогих костюмах-тройках и с застывшей на лице скукой. Он эту скуку нацепил как рабочую униформу, едва выйдя из машины, и мне настолько резко стало неудобно, что я чуть не осталась на улице. Но любопытство оказалось сильнее.

Не отступать же в последнюю секунду?

Не скажу, что сейчас я об этом сильно жалела. Новые впечатления никогда не бывают лишними, но даже с моим пестрым жизненным опытом происходящее вываливалось за пределы реальности.

Роман спокойно прошел почти до самого конца стола, отодвинул кресло, кивком указав мне на него, сам сел рядом и подхватил бутылку с вином со стола.

– Располагайся. Что будешь? Мясо или фрукты?

Я заторможено села, медленно, аккуратно, словно в энергосберегающем режиме.

Девушки в париках и корсетах танцевали под музыку, закрыв глаза и вскинув тонкие руки, унизанные сверкающими браслетами. Вокруг них вилось несколько длинноногих псин с вытянутыми мордами, таких же поджарых и холеных, как сами эти девушки.

За столом рядом с мужчинами сидели совсем другие женщины.

Не менее красивые, но куда более роскошные. В дорогих платьях, меховых мантиях, в тяжелых серьгах до плеч и с крупными кольцами на длинных пальцах, в которых они вертели вычурные золотые бокалы.

Если у танцующих девушек лица были расслаблены, то у этих губы кривились в застывших гримасах презрения. Они голодными взглядами проводили толстый кусок мяса, который Роман отрезал от бока ближайшего поросенка и положил на мою тарелку. Официантов не было видно, все наливали вино и накладывали еду себе сами.

Впрочем, ели только мужчины, перед женщинами на тарелках скучали несколько виноградинок, прозрачные ломтики сыра или одинокая тарталетка с икрой.

Я была здесь как будто существом другого вида.

На пару-тройку размеров толще, на пару-тройку миллионов дешевле и на десяток пластических операций проще любой из женщин.

И уж, конечно, на световые годы ниже по социальной лестнице, чем присутствующие мужчины.

Если бы в этот роскошный зал попали инопланетяне, они бы без труда разделили всех остальных на самцов и самочек, а вот меня отнесли к мутантам, настолько я отличалась от окружающих.

2

Вилка потянула руку непривычной тяжестью – серебро? Я вяло поковыряла мясо в тарелке, съев ломтик только из принципа, пока Роман деловито наворачивал свой кусок, запивая густым темным вином из бокала.

– Ну как тебе? – спросил он, небрежно вытирая руки салфеткой с изящной вышивкой, которую моя бабушка постелила бы на любимый комод – строго любоваться.

Я пожала плечами и честно ответила:

– Не понимаю, в каком качестве я тут нахожусь, но забавно. А культурная программа предполагается или мы просто пожрать пришли?

Рядом громко захлопали крылья и раздался клекот – я инстинктивно шарахнулась в сторону, прижимаясь к Роману. Через стол от нас, оказывается, сидел поначалу не замеченный мной мужчина в темно-синем старинном камзоле. В перчатку из жесткой кожи у него на руке вцепился когтями желтоглазый ястреб.

В качестве развлечений тут, видимо, зоопарк? Или мы ждем менестреля с лютней?

– Какую тебе культурную программу? Танцы? – Роман кивнул на одну из девушек, которая вскарабкалась на стол и теперь извивалась под трансовый ритм, аккуратно переступая стеклянными каблуками между блюдами и бокалами. – Можешь присоединиться.

– Ммм, нет, спасибо... – я отпила из бокала глоток вина.

Мне не понравилось – слишком терпко, слишком густо и как-то почти горько. Наверняка оно дико дорогое и с многолетней выдержкой, я себя знаю, у меня плебейский вкус. В Испании из всех видов хамона, предложенных на пробу, я безошибочно выбрала самый дешевый. С сырами та же история. Только шоколад выбивается из ряда вон – я люблю швейцарский. Но уверена, где-то в мире существует Самый Элитный Шоколад, которому я тоже предпочту что-нибудь попроще, с орешками.

– Наркотики? – гостеприимно предложил Роман еще вариант.

– А есть? – заинтересовалась я. – Хотя что там, наверняка есть. Спорим, у вас тут под вечеринку закупили что-нибудь выпендрежно олдскульное, типа опиума. А под опиум отлично пойдут дуэли! Тут точно должны организовывать дуэли! На двуручных мечах. На крайний случай – на пистолетах с рукоятями, инкрустированными слоновьей костью и изумрудами. Или нет, лучше прямо на тех, что были у Пушкина с Дантесом.

– Подумываю нанять тебя ивент-менеджером, – кивнул Роман так равнодушно, что стало даже обидно. – Хороший будешь тамада с интересными конкурсами.

– Ну, а что еще тут у вас делать? – я опять ковырнула мясо и потянулась отщипнуть ягоду от кисти винограда.

– Можно заняться сексом, – так же индифферентно предложил он, спокойно макая кусок лепешки в пиалу с соусом.

– Ну давай, – кивнула я.

Он замер и скосил на меня зеленый глаз:

– Seriously?..

– Ну да, да! – я закинула ногу за ногу и поправила платье, чтобы оно ложилось изящными складками.

Роман снова аккуратно вытер руки салфеткой и потянулся ко мне, в качестве прелюдии сразу запуская пальцы в волосы на затылке.

– Эй, ты что? – я отклонилась, когда его губы были уже буквально в паре сантиметров от моих. – Мы так не договаривались!

– В смысле? – темные брови сошлись на переносице, зеленые глаза потемнели. – Ты же сама сказала...

– Ну да, иди занимайся сексом, я не против.

И я аккуратно освободилась от его руки.

Он медленно, по кубическому сантиметру выдохнул весь воздух из груди. С легким шипением.

– Нам. С тобой. Заняться сексом, – отчетливо проговорил он, сделав акцент на слове «тобой». – А ты о чем?

– Ой, нет, нет, я пас! – я притворно ахнула, замахала руками и подхватила бокал. С удовольствием уточнила: – Я тебя тут подожду. Ты же недолго?

И спрятала улыбку, отпив глоток вина.

3

Зеленые глаза снова опасно сощурились, изучая меня.

Нет, ну какой он красавчик все же!

Не зря мне зеленоглазые нравятся.

А сейчас, когда в травяной глубине вспыхивают яростные искры, я прям понимаю тех мужиков, которые доводят своих подружек до истерики умильным: «Ты такая секси, когда злишься!» Подружкам-то обидно, они всерьез злятся.

Как и Роман, наверняка. А я восхищенно пялюсь и мне хочется попросить его еще вот так повернуться, чтобы было видно такую острую – можно порезаться! – скулу и темный завиток волос на виске.

– Идем! – он встал, буквально отбросив кресло и обхватывая мое запястье.

– Куда? – спросила я.

Должно было получиться испуганно, но на волне любования скулами и глазами вышло излишне восторженно.

Все-таки секс? Насильный?

Не, ну я такого не планировала сегодня. На мне трусы не парадные совсем, и ноги я не помню, когда брила. Ну так-то понятно, что сам будет виноват, если что. Вот увидит мою шерсть – потом остаток жизни ничего стоять не будет! Жалко же такой экземпляр портить, да?

– Танцевать! – рявкнул Роман, выволакивая меня на свободный клочок пространства у высоких дверей, где стоял рояль.

Развратно-алый.

Я даже не думала, что они бывают такого цвета.

На его закрытой крышке валялась, томно выгибаясь, смуглая девица в перьях. Перья у нее были везде: в волосах, яркими росчерками вплетаясь в пряди; на груди, образуя едва прикрывающий соски топ; между ног, подчеркивая своей белизной ее гладкую, цвета кофе с молоком, кожу.

– Я не умею! – возмутилась я. – Тем более, под это!

Глядя на задумчиво дергающихся девушек в париках, я уже поняла, что никогда в жизни не воспроизведу их движения – вот эти развороты бедер с оттяжкой, волну всем телом, неприужденность. Трансовый ритм не подавал мне вообще никаких идей, как под это двигаться с моей деревянной пластикой. Я вообще последний раз на дискотеке была еще в школе, если не считать сегодняшний бал!

Это слишком жестокая месть. Предлагаю вернуться к идее изнасилования.

– Как же мне тебя развлекать? – как будто сам себя спросил Роман. – Эй, красавица...

Он направился к алому роялю, где при виде него мулатка приняла особенно красноречивую позу «трахни меня». Ну не прям же на рояле...

Хотя...

Я примерно прикинула физику процесса, но как-то получалось не очень. Тут слишком высоко, тут мало места, залезать вдвоем на крышку – не вариант. Разве что он решит девушку вылизать – благородно и альтруистично, но как-то не очень интересно для посторонних наблюдателей, которые явились за порочным средневековым шоу.

Я продолжала с интересом наблюдать за развитием ситуации, планируя потом вставить ее в какую-нибудь сцену в эротическом романе. Вдруг он придумает что-нибудь за пределами моей фантазии?

И весьма обломалась, когда Роман просто шлепнул девушку по заду и прикрикнул:

– Брысь!

Та соскользнула с полированной крышки быстро, но без суеты. И даже, кажется, без обиды. Молча оценила обстановку и направилась к столу, развлекать более благодарных гостей.

Истинная женщина юго-востока. Это вам не Алисочка, которой ты слово, она тебе десять, как еще мама в детстве любила приговаривать.

Роман скинул пиджак, оставшись в одном жилете, сел на широкую банкетку перед клавиатурой и красиво скользнул по ней длинными пальцами.

– Играешь? – с любопытством спросила я.

Ну надо же, какое тут совершенство ходит по улицам. И «Порше» у него, и голос соблазнительный, и жилет шелковый, и на рояле может...

– Хотел научиться... – тихо, почти интимно проговорил Роман этим самым соблазнительным голосом. – Знаешь, чтобы телок снимать.

Я хмыкнула и оперлась на край рояля, склонив голову набок.

– Но?

Он бросил на меня быстрый насмешливый взгляд и, томно лаская клавиши изящными пальцами, сыграл... собачий вальс.

– Оказалось, что для этого вполне достаточно денег.

– Красавчик!

Роман закончил мелодию и с довольным видом поклонился мне, прижав руку к груди.

А потом похлопал по банкетке рядом с собой.

Поколебавшись, я все же переместилась к нему – и тут же пожалела. Места там было мало, пришлось прижаться слишком близко и волей-неволей вдохнуть его горьковатый запах – очень экзотический и совсем не похожий на ароматы популярных мужских парфюмов. Без ментола и мяты, без древесных восточных оттенков. Что-то... злое, колющее, но как будто смутно знакомое.

Роман вовсе не собирался отсаживаться и оставлять госте свободное пространство, следуя правилам вежливости. Наоборот – он повернулся ко мне, окутывая своим запахом и теплом тела. Придвинулся ближе.

– Не понимаю, – сказал он. – Чему ты сопротивляешься? Если бы я тебе не нравился, ты не вышла бы ко мне, не согласилась сегодня куда-то ехать. Я вижу, как ты смотришь, понимаю, о чем думаешь. Ты взрослая женщина, знаешь, чего хочешь – и, очевидно, совсем не против таких же взрослых игр со мной.

– Кхм.

Я постучала мизинцем по «ми» второй октавы. Несколько нервно – и она отозвалась ясным и чистым, таким же немного нервным звуком.

– Что не так?

Роман наклонился ко мне, и от весенней зелени его глаз перехватило горло. Господи, и правда, чего ж мне не хватает? Что мне не так?

Сейчас я как-то и сама забыла ответ на его вопрос.

Я еще раз стукнула мизинцем по «ми», потом безымянным по «ре», средним «до» – и дальше пробежалась по клавишам, складывая ноты в корявую версию «Ламбады». Все, что осталось от трех классов музыкальной школы. И еще «В траве сидел кузнечик» на гитаре.

Ах, да, вспомнила.

Вспомнила ответ.

– А зачем мне? – я ловко убрала пальцы с клавиш раньше, чем его рука успела их поймать и задержать. – Мне и так хорошо. Классная вечеринка, никогда на такой не была!

И я вскинула глаза на Романа, твердо встречая его взгляд. Уже никуда не уплывая в холодном море его глаз, как только что.

Я знаю, чего хочу, он прав.

– Тебе здесь нравится? – он ослепительно улыбнулся, оглядываясь на зал, где на столе между блюдами танцевало уже сразу несколько девушек и даже один из гостей, самый молодой и ловкий. Он пользовался успехом – их упругие задницы терлись о его бедра, приоткрытые губы тянулись к его губам и в целом, кажется, дело шло к симпатичной маленькой оргии. Интересно, они прямо тут начнут?

– Очень, – честно ответила я. – Где еще столько новых впечатлений получить? А если бы ты меня трахнул в машине после ресторана, разве ж ты бы меня сюда притащил?

– Так вот что тебе от меня нужно? – весело удивился Роман. – Проход на закрытые вечеринки?

– Честно?

Что мне от него нужно? Да я сразу знала.

– Честно.

– Я хочу с тобой дружить.

– Ммм...

Он казался озадаченным. Покрутил головой, словно отказываясь от каких-то идей, подсказанных внутренними голосами, и вдруг рассеянно пробежался пальцами по клавиатуре, наиграв сложнейшее, на уровне виртуозов, скерцо Шопена так легко, будто это была гамма «до мажор».

Э, да кто-то вовсе не так прост...

Словно осознав, что спалился, Роман брякнул ладонью по клавишам, вызвав недовольный взвизг рояля и отодвинулся, рассматривая мое лицо со слишком навязчивым вниманием.

4

– Дружить, значит... – Роман усмехнулся. – А скажи мне... Алиса... – медленно и лениво, растягивая гласные, начал он. – Если тебя и правда зовут Алиса, а то я уже ни в чем не уверен... С кем из героев своих книг ты бы хотела оказаться в постели? Одна жаркая ночь, никаких запретов, любые фантазии, чтобы не помнить о реальности за дверью... И все.

Он скрестил пальцы на колене и ослепительно улыбнулся. Тепла в этой улыбке было ни градусом выше комнатной температуры.

– Ты что, читал мои романы? – удивилась я. – Это ведь сладкие сказочки для женщин. Настоящие мачо такое не читают!

Роман неопределенно пожал плечами и кивнул – дескать, понимай, как хочешь, вопрос в другом.

Ну ладно.

Я честно задумалась, перебирая в уме полтора десятка героев, которым успела устроить счастливую личную жизнь в текстах.

Серьезно.

Альберт красавчик, но чересчур доминантный. Ох, мы бы схлестнулись не на шутку, если б он начал продвигать свои резкие решения.

И вообще – зеленые глаза я люблю больше синих.

Стас хорош! Но... только для своей Кошки. С ней у него химия. А со мной? Вряд ли.

Юл – мечта всех женщин, большой и уютный мужчина? Не в моем вкусе. Пока писала роман – удалось убедить и себя, и героиню, что он нам нравится, но с тех пор прошло два года, и я передумала.

Дэрил... Ой, боюсь, с его размерами и аппетитами я не рискну на целую ночь!

Блин.

– Ни с кем, – наконец отозвалась я, тщательно взвесив все за и против. – Они не для секса, они для жизни.

Было бы жестоко шить и лепить любимым героиням мужей на остаток жизни из материала, пригодного только для одноразовых любовников.

– Хорошо, тогда с кем из них ты хотела бы жить? – Роман нетерпеливо крутнул кистью, требуя продолжать.

Зачем ему мой ответ?

– Ни с кем, – снова ответила я. Уже гораздо быстрее. – Они идеальны для моих героинь. Одной нужен большой теплый папа, другой соперник, третьей самый терпеливый в мире мужчина, чтобы выносить все загоны. Не мне. Того, кто был бы идеален для меня... Такого я еще не написала.

Хороший, кстати, вопрос он придумал. Интересный.

Мне его уже задавали, но в формулировке «Кого из героев ты бы хотела встретить?»

Посмотреть издали я бы не отказалась на вампира и фейри. Но пускать их в постель или в жизнь – ой, нет, спасибо, я жить хочу.

А остальные, реальные – не для меня.

Получается, я долго выписывала прекрасных мужчин, в которых влюблялись сотни читательниц – но ни разу не придумала такого, в кого влюбилась бы сама.

– Ты поэтому не замужем? Не нашла еще свой идеал? – хмыкнул Роман.

– Не поэтому.

– А почему?

Вот дает.

Меня даже бабушка об этом не спрашивала.

Даже одноклассники на встречах выпускников не интересовались! О прочих мимоходом вообще молчу. Подруги часто жаловались, что им этим замужем всю плешь проели, а мне даже разговор поддержать было не о чем – избежала счастья! Я всю жизнь ржала, что бодливой корове бог рогов не дает.

Ух, я бы им ответила!

Но нет.

А теперь вот наконец спросили, а я и забыла весь свой миллион остроумных отмазок.

Кроме одной.

– Не зовут!

И развела руками.

Ничего, мол, не поделаешь.

– Выйдешь за меня?

Хорошо, что я ничего не ела, а то бы подавилась и умерла во цвете лет, не написав свою великую фантазмагорию.

5

Роман весь такой – с темными волосами, уложенными в якобы небрежную прическу, с глазами своими зелеными. В идеально сидящей темно-красной этой дьявольской рубашке и с загадочными браслетами-фенечками на запястьях. Роковой красавчик с зеленым «порше».

Нереальный.

Роскошный.

Странный.

Замуж вот позвал.

Может, я где-то разжилась ЛСД? Вот и словила качественные глюки. Потому что даже во сне у меня таких фантазий не было. Мне вообще все эти властные герои не снятся, у меня там другая трава, позабористее.

Что положено говорить нормальной женщине в такой ситуации? Ну, после того, как она уже упала на колени, расстегнула его брюки и качественно отсосала миллионерский член за подобное предложение.

– А зачем мне за тебя замуж?

Всегда так отвечаю в подобных ситуациях. Пусть эта – всего лишь первая. Будет славная традиция.

– Деньги, – ничуть не удивившись вопросу, мгновенно среагировал Роман. Возможно, у него-то как раз все не впервые.

– Аргумент, – согласилась я. Деньги вообще хорошая штука. А если на халяву, так вообще. – Вопрос второй. А тебе зачем на мне жениться?

– Трахаться не с кем, – лениво отозвался Роман, провожая взглядом очередную девицу, которая продефилировала мимо нас, собираясь забраться на рояль. Он мотнул головой, она так же спокойно отвалила, но полюбоваться на ее задницу он не забыл. – И еще ты веселая.

– Работать клоуном у пидарасов – про это уже Пелевин написал, не хочу повторяться, – заметила я мрачно. – Еще причины?

– Да нет никаких причин, Алис. Прикольно с тобой, – он отвернулся наконец от девицы и уставился на меня. – Просто секса ты не хочешь, дружить... Ну, знаешь, в нашем возрасте это как-то странно, не в песочнице же мальчик с девочкой встретились. Я и подумал – забавно будет встречать тебя иногда в своем доме. Чтобы не отшивала меня по телефону, как все эти дни.

– Погоди, ты что, серьезно?! – я огляделась по сторонам, но ближайшая бутылка вина осталась на столе, а мне срочно надо было чего-нибудь выпить.

Лучше даже воды. Много воды. Холодной.

Пожалуй, холодный душ был бы в самый раз.

– А что такого? – удивился Роман. – Это же не на всю жизнь. Разводы в Российской Федерации пока не запрещены, хоть на следующий день после свадьбы заявление подавай.

– Эээээ...

– Ну, понятно, брачный контракт, чтобы ты не претендовала ни на что лишнее. Но ты же понимаешь, юристы у меня все равно лучше, можно и без него.

– Ээээ...

Так, где мое «ты ей слово, она в ответ десять»?

– Алиса? – заботливо заглянул мне в лицо Роман. В зеленых глазах плясали огненные черти. Уголок губ полз вверх в кривой и ехидной улыбке.

Переиграл, да?

– Нет. – Я тяжело вздохнула. – Сорри, я никак. Мне книжки надо писать. Некогда мне замуж ходить.

– А как же деньги для творческой личности? Художник может быть голодным, но писатель обязан быть сытым, – назидательно сказал он, откровенно развлекаясь.

– Я уже говорила, что дело не только в деньгах, помнишь? Мне нужно набирать опыт, прокачивать умение. Писать сейчас – самое главное.

– И чем я тебе помешаю? – Роман сложил ладони в умоляющем жесте. – Я буду тихим как мышка...

– Всем! – резко ответила я. – Вообще-то перед тем, как написать первый роман, я бросила парня, с которым тогда жила. Чтобы не мешал.

– Серьезно? – он по-настоящему удивился, даже лыбиться перестал.

Серьезно ли я?

Бросила прямо целого годного мужика из-за прихоти, когда другие женщины годами не могут никого нормального найти?

Колдуют даже – то тапочки покупают, то трусы на люстру вешают, то в борщ менструальную кровь подливают.

А я такая: «Давай, милый, до свидания, у меня тут вампиры нетраханые, демоны никак не пробудятся, да и одна такая кондитерша не нашла еще свое счастье. Не до тебя!»

– Абсолютно. – Я перевела невидящий взгляд на клавиатуру рояля, машинально погладила черную клавишу по гладкой спинке. – Невозможно сосредоточиться, когда рядом кто-то ходит и в любой момент может тебя дернуть: «поставь чайник», «смотри, какая картинка», «спать идешь»?

Почему-то, когда я писала статьи на заказ, это не мешало. А книги... Видимо, они созданы из куда более хрупкого материала. Отведешь взгляд – и пуф! – мысль разлетелась в пушистые клочья, как одуванчик.

– А если отдельный кабинет завести? – предложил Роман.

– Ну, допустим, у меня однушка, какой тут кабинет, – я хмыкнула. – Но я теперь вообще не ввязываюсь в отношения, Ром. Ни в какие. Это слишком влияет на работу. Поругаешься – и сразу настроения писать нет. Я всех близких предупредила, что если кто-то сбивает мне настрой – я их выпиливаю из своей жизни без права на второй шанс. Потому что это для меня главное – писать. Смысл жизни, если хочешь.

– Смысл жизни – любовные романы? – Роман насмешливо вскинул бровь.

Я помолчала.

И еще помолчала.

И еще.

И...

Пока эта мерзкая улыбочка не сползла наконец с его губ.

– Тебя так удивляет, что у кого-то на первом месте не ты, да?

В целом, он уже наговорил на выпиливание из моей жизни.

Технически – он на него попал еще после нашего первого свидания, когда я психовала и не могла работать. Но тогда я думала, что он больше не объявится. Какой смысл вешать утопленника?

А теперь...

Серьезно – менять то, что приносит мне деньги, радость, ощущение реализованности, дает – да, да! – тот самый смысл жизни на одного-единственного мужика, пусть даже красивого и богатого?

Пфффф...

– Мне просто странно... – медленно проговорил Роман, больше не пытаясь улыбаться. – Ты сама сказала, что пишешь про миллионеров. Сама пристала ко мне с вопросом для книги. Но вместо того, чтобы обрадоваться, что тебе предлагают экспонат для изучения, воротилась морду. Где логика? Тебе живой пример для твоих романчиков не нужен?

– На тот вопрос ты так и не ответил, – напомнила я. – А читателям не нужны живые миллионеры, Ром. Им нужно их представление о миллионерах. И эта вечеринка в него, например, вообще не впишется. Лучше бы браслетик золотой подарил и сотню белых роз – это была бы правильная роскошь. А не вот это вот все...

Я широким жестом обвела декаданс и разврат эпохи мета-барокко. Кажется, на диване уже трахались – в том же трансовом ритме, что до этого танцевали. Такие вечеринки не для правильных героев-миллионеров. Правильный герой-миллионер должен наслаждаться домашними котлетками на пятиметровой кухне хрущовки и робкими неумелыми поцелуями героини. В крайнем случае – ее пылом, жаром и мультиоргазмами. А не посторонними дамами в париках и моими подъебками, давайте будем честны.

– Разве не вызов в таком случае написать о настоящих миллионерах, а не выдуманных? Пусть твои читательницы пофантазируют не о том, как невинные девы встречаются принцев, а задумаются, что бы они делали, если бы сами, вот такие, как есть, познакомились с очень богатым мужчиной. Чем заинтересовали бы? Привлекли? Удержали?

– Ну, это просто! – отмахнулась я. – Ноги от ушей, двадцать лет, глубокий отсос!

– Ты не похожа на такую... – ехидная полуулыбка вернулась на его губы. Роман протянул пальцы, чтобы коснуться моего лица, может быть, поправить прядь волос – нежным, почти трепетным жестом.

Но я уклонилась от него:

– Так я и не стремлюсь.

– Ага, – засмеялся он. – Это я тебя уламываю. Почему-то.

– Ага, – в тон ответила я. – Непонятно почему.

Он наклонился ко мне – очень близко, слишком близко. Но так медленно, что я пропустила момент, когда могла этого избежать.

– У меня есть предложение, от которого ты не сможешь отказаться, – его шепот почти касался моих губ.

– Давай попробую... – прошептала я в ответ, ловя его дыхание, и тут же отклоняясь, чтобы на этот раз точно послать его нахер.

Без компромиссов.

Но...

– Напиши обо мне роман.

Он был слишком хорош в этой игре.

Пьянка

1

– Алис, а тебя не тяготит одиночество? – поинтересовался Мишель где-то между третьим и четвертым «лонг айлендом» у меня и шестым и седьмым бокалом пива у него. Самое время для философских бесед.

– Нет, вообще нет. Я привыкла.

То, что Мишель додумался такое спросить, можно списать только на то, что он чертовски пьян. Мы уже третий час бухаем, а бухаем мы обычно качественно.

– А меня тяготит... – дружочек мой по перестрелкам повесил голову, пьяно опираясь на свой кулак и одним пальцем гоняя туда-сюда кучку обломков зубочистки. Сначала он из них строил домик, а потом расшвырял по бревнышку и теперь выкладывал загадочные иероглифические конструкции.

Мы с Мишелем когда-то давно познакомились в интернет-игре, но вместо того, чтобы замутить роман, встречались, чтобы понять друг другу о личной жизни.

Регулярно. В самые тяжелые времена – дважды в неделю.

– Я всегда была одинока, Миш. Помнишь в «Мстителях» сцену – Брюса Беннера спрашивают, в чем его секрет. Как он быстро вызывает у себя злость, чтобы превратиться в Халка? И он отвечает: «Мой секрет в том, что я зол всегда».

– Ну?

– Так вот, я с детства такая. Во дворе ровесников не было, в школе мне родители не разрешали ходить в походы с классом и задерживаться допоздна, а в летнем лагере вообще травили.

– Ты же замужем была?

– Замужем, Миш, быть одинокой еще хуже. Тебе хоть к друзьям отпрашиваться не надо.

У него рано умерла мама, и с шестнадцати он жил один. Наверное, поэтому научился дружить с любыми людьми – от депутатов ГосДумы до цыган на вокзале.

Он все еще надеялся найти «своих» среди кучи разнокалиберного народа.

Я – смирилась с тем, что вокруг одни чужаки, и вписаться мне не светит. Слишком уж «не такая». Даже когда притворяюсь, как все, здороваюсь с соседями, говорю «Соболезную!» на похоронах и «С наступающим!» кассиршам, все равно как-то не звучит.

И чем сильнее стараюсь вписаться, тем яростнее меня разносит, когда пружина устает сжиматься и выстреливает. Даже если я скромно сижу в уголке и молчу, рано или поздно оказываюсь в центре скандала.

Что-то такое встроенное – мама говорила, я даже в роддоме жила поперек. Когда детей привозили на кормление – спала, а когда пора было спать, требовала еды.

Это как... родиться русалкой. Вокруг меня сплошь нормальные нормальные, и я бы тоже, разумеется, хотела бегать по утрам и туфельки.

Но никак. Просто никак. Вот он – хвост. И даже если я буду очень стараться ходить как человек, человеком это меня не сделает.

Штош.

Остается только натереть полиролью чешуйки на хвосте и перестать прятать его под длинными юбками. Не просто смириться со своим отличием – а еще и гордиться им.

Мишель, кстати, тоже «не такой». Настолько, что его многие считают геем. Разве мужчины носят розовые рубашки, смотрят мелодрамы и ходят к психотерапевту?

Наверное, поэтому мы и сошлись.

Но прочно все равно не зацепились. Лишь иногда пересекаемся на дальней орбите и обмениваемся радиосигналами. Эй, мол, ты как? Сменил работу, нашел девушку, смотался в Париж? Супер, а я вот борщ сварила.

– Я думаю позвать Полинку жить вместе... – неожиданно признался он.

Так вот к чему этот заход про одиночество...

Обычно такими новостями мы обмениваемся в самом начале встречи, обновляем базы данных друг о друге и дальше уже безыскусно бухаем. Но, видимо, тема тяжелая, без смазки не заходила.

– О... – я откинулась на стул. – Что ж... поздравляю. А с чего вдруг?

С Полинкой они встречались уже года два и порывов углублять отношения до сих пор не демонстрировали.

– Ревнует... – тяжело вздохнул он.

– Тебя?! – я чуть со стула не упала от обалдения.

Хотя тут скорее были виноваты коктейли.

– Ну... – Мишель потер пальцами лоб, мрачно глядя в стол. – Ты знаешь, мы на работе всегда с Агаларовой прикалываемся, что, мол, пойдем вечером в кино в «випку» и там потрахаемся, ну или я изображаю, как хватаю ее за задницу. Полина как-то заехала за мной, услышала наши обычные раскидоны и пилила потом всю дорогу домой. А дома вообще обиделась и замолчала.

– И ты купил ей новый айфончик?

Мишель вскинул на меня злой взгляд. В женском вопросе он был как с картинки: покупал своей Полине цветы и подарки каждый раз, как она надувала губки.

– Сережки, – уточнил он. – С рубинами.

– Блин... Она нарочно же! Не может она верить, что ты изменяешь! – возмутилась я.

Мишель, наверное, единственный в мире мужчина, в чьей верности его женщинам я была уверена на тысячу процентов. Как он таким вырос – черт знает. У него куча других недостатков: проблемы с алкоголем, тратит больше денег, чем зарабатывает, всегда опаздывает и три года не возвращает мою любимую книгу.

Но что он никогда не пойдет налево – я знаю точно. Видела в самых провокационных ситуациях. Да и сама, чего греха таить, провоцировала. Шуточки, как с Агаларовой – запросто.

Но грань он не перейдет ни-ког-да.

Даже немного жаль, что мы лишь боевые друзья, хотела бы я быть так же уверена хоть в одном своем мужчине.

– Я уже ремонт начал делать.

– Так ты жалуешься или хвастаешься? Поздравлять или соболеznовать? – уточнила я, окончательно запутавшись.

– Советуюсь.

– Тогда мой тебе совет – не делай этого! – я допила коктейль и задумалась о следующем.

Следующий, конечно, будет очень, очень лишним. Но такие новости минералкой не запивают.

– Не съезжаться? – Мишель фыркнул. – А как же твоя женская солидарность? Мужик ведь должен жениться в конце концов?

– Слушай, я думаю, как Гамлет, – язык у меня не заплетался никогда, а вот мысли – увы. Но я попыталась донести идею: – Те кто и так живут вместе – пусть живут. А одинокие – в монастырь! Вот и ты, Офелия, вали лучше в монастырь. Брак, даже гражданский – это ловушка, Миш. Никакой свободы, никакого заснуть под телевизор, все выходные упарываться в игрушку или вернуться домой через двое суток загула, только чтобы котиков покормить... Жизнь кончена!

– Просыпаться утром в обнимку, Алис, а? А?
– Вози ее в отпуск, там и просыпайся! – обрубил я хвостики с сентиментальными розовыми бантиками.

Он ухмыльнулся:

– Я, пожалуй, подумаю.

Мы чокнулись бокалами.

Приятно, когда есть друг, который тебя понимает. И подкармливает, когда денег нет. Те времена давно уже прошли, но моему сердцу до сих пор дороги те сырные палочки, которыми он делился, когда моих доходов хватало на одну курицу в три дня и самое дешевое пиво.

Кстати, вспомнила, о чем тоже забыла ему рассказать!

2

– Миш, я тебя в роман вставила, кстати. Даже дважды. Ты меня теперь убьешь?
– В какой? – подозрительно прищурился он сквозь бокал с пивом.
– Первый – вампирский. Ну тот, помнишь, я тебе начало давала читать?
– Помню. Чем он кончился, кстати?
– Как всегда, все умерли. Я его, кстати, посвятила тебе!
– Оптимистично... А второй что? – ему было приятно и скрывал он это плохо.
– Второй любовный...
– У меня там страстный секс? – с надеждой спросил Мишель.
– Нет, у тебя там снова пьянка со мной, – я виновато потупилась.
– Что за жизнь... – вздохнул он, отпивая пива. – Везде одно и то же.
– Ну, прости, – развела я руками. – Я ж не знаю, какой ты в сексе. Может быть, извращенец и любишь обмазаться медом, и чтобы в тебя кидались разноцветными M&M's. Или возбуждаешься только от красных деревянных поездов. Или...

– Так, хватит! – передернулся Мишель.

– Ты первый начал!

Я махнула официантке, и она все же принесла мне пятый коктейль. Ой, нажру-у-у-усь!

– А в тот, что про крысюка твоего, не вставила? Как я ему засветил? – заинтересовался Мишель.

– Блин, кажется, нет...

– Теперь точно обижусь!

«Крысюк» – это мой бывший муж. И роман про него у меня тоже есть, верно.

У Мишеля он увел девушку, в которую тот был влюблен, а Мишель, даром, что мягкий и добрый, при случае засветил ему по морде.

Это было приятно. Хоть и не за меня вступились, а все равно хорошо вышло.

Обязательно надо будет куда-нибудь воткнуть эту сцену. Вообще, в кино и книгах герои так часто бьют морды, что это вроде как уже банальность. Но в моей среде интеллигентных мальчиков такое было редкостью. Так что я пока хранила эту сцену в сердечке, не разменивая ее на проходные романы.

– А ты как? С тем твоим не сошлась обратно? – напомнил он мне о последнем возлюбленном, том самом, с которым я рассталась, чтобы не мешал писать романы.

Почти никому об этом не рассказывала, потому что это как-то слишком, даже для меня. Всегда можно найти более приличную причину. Например – отказался мыть унитаз. Так я обычно говорю своим замужним подругам и наслаждаюсь хтоническим ужасом в их глазах и мысленной короной «Дикая феминистка» на своей голове.

Правду знает только Мишель.

И теперь еще Роман.

– Два года уж прошло, Миш, окстись! – фыркнула я. – «Тот мой» уже давным-давно уехал в другую страну, зарабатывает больше тебя и нашел себе новую бабу.

– Жалеешь, что бросила? Могла бы тоже переехать.

– Ну, замуж он меня не звал, – вздохнула я. – Так что все равно переезд не светил.

– Так у тебя никого нет сейчас?

Я заколебалась.

У меня есть? Или нет?

Роман – это «кто-то» или просто материал для новой истории?

– Какой он? – спросил Мишель, не дождавшись, пока я отвисну.

Официантка сменила его пустой бокал на полный, даже не дожидаясь кивка. Да, его тут знают.

Много лет знают. Мишель любит работать тут днем, хотя у него совершенно пустая квартира и уютный офис.

Если бы я умела общаться с людьми, как он, может быть, мне бы и сожители в моем доме не очень мешали. Я бы уходила в кафе или бар и там писала. Как Хемингуэй или Роулинг.

Но я тревожный котик и все время жду, что меня попросят освободить столик или что-нибудь заказать. А болтать с персоналом и заводить друзей, чтобы не гнали – не умею.

– Алис? – Мишель пощелкал пальцами перед моим лицом.

– Что? Кто? А?

– Тот, о ком ты сейчас думала с такой расслабленной улыбочкой.

Зеленоглазый большеносый, высокий, худой, в темном дорогом костюме и на «Порше»? Пронзительно захотелось вдруг, чтобы он заехал за мной. Нипочему. Внезапно. Сюрпризом.

Говорят, так бывает у нормальных людей. В отношениях. А я не в них.

– Какой он, говоришь... Джейсона Момоа знаешь? – сурово спросила я.

– Ну! – Мишель округлил глаза. – Да ладно?!

– Так вот, совсем не похож! – закончила шутку с непроницаемым лицом.

– Ну тебя!

Мы заржали. Вот чем дружба лучше любви. Всегда легко. Всегда.

Мишель у меня проходит под грифом «собутыльник».

С ним есть, о чем поболтать.

Например, о литературе – он офигенный читатель, один из тех редких, кто умеет видеть в тексте то, что автор хотел сказать. А не то, что сказал.

Поэтому читает редко – пропускать через себя столько эмоций тяжело.

Я благодарна ему, что он был со мной в самые тяжелые послеразводные дни. Тогда я была по-настоящему одинока, разговаривала только с кассирами в супермаркете, а главным событием недели была ежесубботняя выдача сундука с монетками в мобильной игре.

Но одиночество – как алкоголь. Сначала горько, противно, болит голова и тоскуешь. А потом втягиваешься и жить без него уже не можешь.

Добив свои последние бокалы, мы с Мишелем обнялись у дверей бара, выкурили по последней сигарете – я давно бросила, но пьяной так приятно курить! – и разошлись. Он поймал такси, а я люблю летней ночью пройтись по бульвару, где горько пахнут ночные травы и мигают оранжевым неработающие уже светофоры. Первое время он меня провожал, а потом я сама отказалась. Все равно по дороге мне не встречаются даже бродячие собаки, что уж говорить о злодеях.

Однако у подъезда мне пришлось остановиться...

3

Я уже предвкушала горячую ванну и какой-нибудь легкий роман коллег-конкурентов перед сном и никак не ожидала, что за пять шагов до дверей меня вдруг подрежет выскочивший из-за угла дома мотоцикл.

Пришлось шарахнуться в сторону, влезть в заросли шиповника, где я испаралась вся нахрен и первые несколько секунд только и могла, что изобретательно нагромождать матерные конструкции из пяти доступных мне корней. Развитие детского воображения с помощью конструкторов типа «Лего» всегда пригодится, даже в самых нестандартных ситуациях.

Когда мотоциклист, завернув круг по парковке, лихо затормозил рядом со мной и стянул с головы шлем, я практически не удивилась, узнав Романа.

– Поехали, – сказал он, отстегивая от багажника второй шлем и протягивая мне.

– Хрен! – экспрессивно заявила я и зачем-то убрала руки за спину.

Даже в юные годы не тащила по плохим мальчикам на байках.

– Что значит – хрен? Ты роман собираешься писать? – возмутился он. – Я по барам, ты со мной. Наблюдать.

Роман-то я собираюсь. Что еще делать, раз согласилась? Разумеется, не биографию одного конкретного миллионера.

Я рассчитывала, что он покажет мне, как живет, чем интересуется, поделится всякими мелочами – например, какой чай пьют богатые и красивые или какие сериалы смотрят, – а я потом напишу, что захочу. Это даже лучше, чем замуж или дружить, потому что можно увидеть такие грани Романа, которые он не показывает даже близким.

Но не прямо же сейчас! Ночь на дворе!

– По бабам? – переспросила я, хотя вполне расслышала.

– И по бабам тоже. Ты же со мной спать отказалась. Поедем, сниму девочку... Посмотришь.

– Свечку подержу?

– Можешь присоединиться, я не против.

– Нет, спасибо. Я сегодня уже нагулялась. По барам... – подпустив в голос загадочности, протянула я.

Роман сощурился, демонстративно ощупал меня взглядом с ног до головы и ласково спросил:

– С кем это?

– С другом...

– Что за друг? – голос Романа стал жестче, и я очнулась.

Даже алкоголь слегка выветрился из головы, а опьянение перешло в самую опасную стадию.

Когда мне вообще все пофиг.

– Эй, что за вопросы? Мы же договорились – я пишу о тебе роман! А не приношу тебе кофе в постель, не согреваю ее и не ношу твою фамилию. Кстати, какая у тебя фамилия? – внезапно заинтересовало меня.

– Витт.

– Роман Витт. Красиво... Надо было соглашаться замуж... – я вздохнула и примерила к себе: – Алиса Витт... Эх.

– Два раза не предлагаю.

– Ну и дурак, – я пожала плечами и обогнула его, чтобы пойти наконец домой.

Но он поймал меня за локоть рукой в холодной кожаной перчатке и я не смогла сдвинуться с места, вдруг вдохнув запах кожи, колюче-дымного парфюма и бензина – приправленный ночным августовским ветром.

Ох.

– Ты, как мой летописец, должна быть рядом в самые интересные моменты жизни. Поехали!

Вот бы согласиться. Сесть позади него, обнять за пояс, прижаться щекой к кожаной куртке и полететь сквозь ночь неведомо куда.

Наплевав на все! Пьяная и свободная!

Но я уже уперлась рогом – и все бесполезно.

Сама себя переупрямлю, но не передумаю.

– Что там интересного? – удивилась я. – Потом перескажешь. Главное – помни, что количество раз считается не по «туда-сюда», а по оргазмам.

Роман ухмыльнулся, а я ехидно добавила:

– Твоим оргазмам. А то тебе там девки нарисуют...

Я аккуратно отогнула его пальцы, освобождая руку. Он, на удивление, не сопротивлялся.

– Вообще-то я рассчитывал, что после заключения договора ты перестанешь меня бортовать, – посетовал Роман.

– Ну упс! – я развела руками. – А я рассчитывала, что ты учтешь мои условия и начнешь предупреждать заранее. И вообще, давай начнем с чего-нибудь попроще. С твоей работы, например, а? Секс я и сама сочиню... Поверь мне, так он впечатлит читателей гораздо сильнее!

Он снова скрипнул зубами.

Ну не может же он беситься от такой ерунды, серьезно?

Хотя это у меня богатый опыт срачей в соцсетях, а миллионеры, наверное, не тренированные, с нежным брюшком...

– Хорошо. Тогда жду тебя завтра, – ровно сказал миллионер с нежным брюшком, чеканя каждое слово. – Офисный центр «Алый Ветер». Форма одежды – деловая. В восемь.

– Утра?... – потрясенно спросила я.

Холодный смешок был мне ответом. Роман нацепил шлем – и с ревом мотора умчался из моего двора. Оставив у меня в руках второй, пассажирский шлем.

Только дома я разглядела, что он был розовеньким. Розовеньким, блин!

Офисный роман

1

Вот вопрос.

Буквально уровня: «Быть или не быть?»

Употребить ли на ночь литр воды и пробудиться утром без похмелья, но вот, увы, с опухшей мордочкой лица?

Или не пить – и будет лик мой светел, но вот башка больная не позволит ясно мыслить?

Вот вопрос...

Кажется, еще ни одна девочка в мире не избежала выбора между умными и красивыми.

Это мужикам следы вчерашнего разврата придают брутальности.

Ромочка может заявиться в офис даже со стесанной об асфальт после падения с мотоцикла мордой – уверена, вызовет только восхищение.

А мне надо как-то вертеться... Ну или не надо было злить всяких мстительных миллионеров.

Второй вопрос – деловой стиль. Я человек, который не ходил в офис десять лет. Откуда я знаю, что у вас там теперь за стиль? И где я посреди ночи этот стиль возьму?

В отличие от некоторых своих героинь, берега я вижу, поэтому в балетную пачку и корону Ледяного Короля вырядиться не буду. Но что делать, если мой максимум делового стиля в гардеробе – маленькое черное платье, которое я надевала на выпускной? С пиджаком.

И недурным таким декольте.

Ну блин!

Пусть скажет спасибо, что у меня совершенно случайно, кроме парадных туфель на выскоченной платформе, завалялись еще черные балетки.

Потому что альтернативой были бы «мартенсы» или кеды.

Просто, когда у тебя уже много лет работа исключительно из дома, то одежда делится на две части: пижама домашняя – немножко рваная и пижама парадная – на выход в «Пятерочку» за углом.

Я-то рассчитывала, что, если мне решат вручить нобелевку по литературе, в магазин за новым платьем я успею сгонять.

Это была еще малая часть проблем.

Оставшаяся часть вызывала у меня неприятное ощущение, похожее на зубную боль и формулировалась в виде несложной конструкции из вытянутого среднего пальца.

Потому что с тех пор, как я закончила институт, раньше десяти утра я просыпалась только в двух случаях: сдать анализ крови и поехать в аэропорт. И только в половине из них не ненавидела весь мир.

Встреча с Романом в офисном центре походила на анализы гораздо больше, чем на полет в Париж.

Он вообще осознает, на какие жертвы я сейчас ради него иду?!

Строго говоря, не ради него, а ради себя. Но Роман, кажется, еще не осознал, что мои книги для меня действительно на первом месте.

В отличие от него.

Я мрачно смотрела на бизнес-центр «Алый ветер», по последней московской моде располагавшийся на территории бывшего завода. Кирпич, ржавое железо и некрашеное дерево. Стиль «индустриальный лофт, потому что переделывать с нуля дорого». Космические обводы

малых архитектурных форм – в смысле, лавочек и урн – и резкие рваные детали всего остального.

Внутри здания оказался головокружительный, уходящий в высоту этажей на семь атриум – в стиле «индастриал» все это смотрелось как апокалиптическая тюрьма из какого-то старого фантастического фильма. Я так и ждала, что сейчас появится мобильная турель, из которой будут расстреливать уволенных.

Бррр.

И теперь среди всего этого великолепия я должна была найти людей, которые дадут мне какой-нибудь пропуск или достучатся до Романа Витта, чтобы рассказать, что к нему гости. И будут смотреть на меня с высокомерным презрением, потому что человек без пропуска – это существо десятого сорта.

Если меня спросят, за что я не люблю офисы, это будет только начало моей речи.

Раздражение было столь велико, что я даже выудила телефон из рюкзака и нашла контакт Романа.

Ненавижу звонить.

Дико, безумно, ащке ненавижу.

Но едва на часах тикнуло восемь утра, я нажала на вызов, приготовившись прошипеть, что приличные люди не опаздывают. Однако ровно через один гудок в трубке, телефон у меня аккуратно вынули ловкими пальцами.

Роман встретил мой сжигающий в пепел взгляд вежливой улыбкой:

– Судя по твоему лицу, мне очень повезло, что тут хорошая охрана и качественные металлоискатели. Иначе мог бы и не выжить.

– Они не обнаруживают яд, – пропела я нежно.

– Яд слишком сложно... – засомневался он.

– Думаешь? – я склонила голову набок. – А если заварить тебе чай каркаде? Выпьешь? Ну, знаешь, я ведь не обязана отличать безобидный гибискус от ядовитого олеандра. Цветы у них очень похожи...

Роман сощурился, волевым усилием удерживая улыбку в границах вежливости. Аккуратно подхватил меня под локоть и развернул к лифтам.

– Ты, видимо, «сова»? – спросил он с ноткой сочувствия. – Сейчас в офисе угощу тебя кофе.

– «Сова». Классическая и безнадёжная... И никакой детский сад, школа и институт меня не перевоспитали, – пожаловалась я, заходя за ним в лифт.

В восемь утра вокруг было пустынно как в мире «Лангольеров» – совершенно очевидно, что время мне было названо исключительно из вредности.

Уверена, народ начнет подтягиваться только через пару часов.

– Понимаю. У меня тоже по утрам планы по уничтожению человечества, – покивал он, как будто не сам назначил встречу на утро.

– О! – я оживилась. Любимая тема же. – Ты тоже ждешь конец света? Я надеюсь на астероид! Бум! Как в «Меланхолии». И красиво.

– Раньше думал о смертельном вирусе.

– Передумал? – сочувственно спросила я.

– Ненадежно. Да и люди уже готовы, – с досадой пожаловался Роман.

Как приятно встретить единомышленника, мечтающего об уничтожении мира!

Я оживилась:

– Ну да... Война как-то грязно. Голод жестоко. Потихоньку вымирать – долго.

– Жестоко? В тебе еще есть что-то доброе? – вскинул он бровь.

– Есть, но ты это сейчас вынешь... – пробормотала я.

– Что? – удивился Роман.

– Нет, ничего, старый анекдот, – отмахнулась я, благословляя лифт, который как раз остановился на одном из верхних этажей и распахнул двери.

2

На этаже было еще более безжизненно, чем внизу. Там зевали на стойках ресепшена идеально отполированные высокие блондинки, открывались кофейни и киоски, время от времени пробегали с озабоченным видом мужчины в зверски дорогих костюмах... Здесь не было ни-ко-го вообще. И эту безлюдность удивительно изящно подчеркивал выхолощенный интерьер безликого офиса.

Ночной кошмар фрилансера: серый ковролин, белые стены, бьющие в глаза точечные светильники и прозрачные стены между кабинетами.

На меня накатывала депрессия от одного взгляда на этот ледяной ад, сто тридцать третий круг, без шансов на помилование.

Очень вовремя вспомнилось, что никаких договоров мы с Романом, как там его по отчеству, не подписывали, а значит – я могу просто развернуться и уйти. И ничего мне за это не будет.

Наверное, не совсем нормально реагировать на обычный офис, как на голодное чудовище, которое меня сейчас сожрет.

Впрочем, кажется, мы уже выяснили, что нормального во мне не больше пятнадцати сантиметров и то редко.

Я всерьез была на грани позорного бегства, когда...

Над этим жутким офисным пейзажем разлилось пение соловья.

В первый момент я решила, что это чей-то рингтон. Но трубку никто не брал, а щелчки и переливы не повторялись, выстраиваясь в уникальную мелодию.

Неужели... он настоящий?

Я медленно пошла на звук, оставляя Романа позади.

Офис походил на зеркальный лабиринт в Луна-парке – двери-обманки, отраженные коридоры, стены там, где должны были быть проходы – и проходы, где ожидаешь стены. Но я все-таки выиграла в эту игру, следуя за звонкими трелями и нашла рядом с одной из переговоров высокую клетку.

Невзрачная птица в ней удивительно подходила этим серым интерьерам, но пение... Живой, яркий, невероятный голос соловья разбивал холодный кошмар офиса. Делал его каким-то причудливо-странным, сюрреалистичным.

А с этим я уже могла справиться.

Но кто держит соловьев в офисе, а?

Роман меня снова удивил. Уже иначе.

Я подошла к клетке вплотную. Пение прекратилось, соловей с интересом посмотрел на меня круглым черным глазом.

Мягкие шаги Романа по ковролину я услышала только потому, что на всем этаже было тихо, как в морге. Не оборачиваясь, сказала:

– У меня в детстве тоже был попугайчик, звали Рома. Волнистый. Голубой. Умел говорить: «Рррома хоррроший». И щебетал красиво.

За спиной раздался усталый вздох, но никаких комментариев не последовало.

– Смотрю, ты начинаешь привыкать... – я провела пальцем по прутьям клетки, но на всякий случай отдернула их, когда соловей сунулся узнать, что происходит. Вдруг он от такой жизни кусаться научился. – Довольно быстро. У некоторых уходили годы на то, чтобы понять, как со мной общаться.

– Быстрая адаптация к кризисам – залог успеха в жизни, – таким же усталым тоном прокомментировал Роман.

– Вау, таких комплиментов мне еще не говорили... – я развернулась к нему. – Очень приятно – кризис. Полное крушение всех надежд, шесть букв, вторая «и».

– Хм. Пиз... – начал Роман, но я быстро вытянула руку ладонью вперед, прерывая его.

– Это «фиаско», Ром. Совсем ты в интернете не бываешь, да?

Кабинет босса, то есть, самого Романа, к которому вел самый длинный и унылый из коридоров, ничем качественно не отличался от остальных помещений. Те же прозрачные стены, что и у простых смертных, насквозь простреливаемые взглядом, словно они тут не занимаются ничем секретным и даже не трахают секретарш в обеденный перерыв.

Но мебель внутри намекала, что место серьезное. Длинный стол в форме буквы Т, солидные стулья вдоль него. Явно не курьеров здесь собеседуют.

Роман прошел к высокому креслу во главе стола и сел в него, сразу превратившись в карикатуру на Темного Властелина – высокий черный трон выше его головы так и умолял выдать начальству шапку Мономаха или хотя бы императорскую корону.

Угрожающе, в общем, смотрелся. И какое бы место я за этим столом ни заняла сейчас, я окажусь либо в роли подчиненной, либо просительницы, либо – ну, в лучшем случае, – младшего партнера.

Почему у нас с ним какая-то вечная позиционная война?

Я вздохнула, прошла к окну за его спиной и взгромоздилась на подоконник. Деловито достала телефон из рюкзака – карманов же в женские платья не вшивают! – подключила к нему выносной микрофон. Я его покупала, чтобы записывать аудиокнижки, но выяснила, что мой ноутбук умеет это лучше, чем китайские игрушки. Даже если внешне они выглядят крайне внушительно – как профессиональные микрофоны с защитой от ветра и всем положенным.

Вот, пригодился.

– Что ж, Роман, – я положила на колени блокнотик и постучала по нему ручкой, принимая деловой вид. – Значит, здесь ты работаешь?

Ему пришлось полностью развернуть кресло, чтобы оказаться со мной лицом к лицу, но смотрел он при этом с гордостью, будто наглость и нестандартное мышление лично во мне годами воспитывал.

– Нечасто, – он сложил руки домиком и принял крайне серьезный вид.

Получалось хорошо, я даже вспомнила свое журналистское прошлое, когда приходилось общаться с людьми на очень высоких позициях. К сожалению для Романа, это привило мне полное отсутствие пиитета перед мужчинами в дорогих костюмах.

– Это парадный офис. Для сделок и пускания пыли в глаза. В остальное время здесь только бухгалтерия и прочий саппорт.

– Кстати, а чем ты вообще зарабатываешь? – запоздало спохватилась я.

Он неприлично заржал, ломая выстроенный имидж:

– Хорошо подготовилась к интервью, смотрю!

3

– Зачем ты вообще в офис напрашивалась, если даже погуглить поленилась? – продолжил развлекаться Роман.

Ой, а то он сам не понимает, что из вредности. Но погуглить я и правда забыла.

Вот тебе и распальцованная журналистка.

– Посмотреть, какой длины ноги у твоей секретарши и какого размера грудь, – я пожалала плечами. – Так ты ответишь, или мне в интернет лезть? Вообще-то выбор занятия для героя книги очень важен. Встраивается в образ.

Вот сапфиры, например, хорошо встраиваются... Я мечтательно вздохнула.

Альберт у меня в романе, хоть и суровый бизнесмен, не был таким злым. У меня все герои – пушистые котики.

Ближе к хэппи-энду – точно становятся!

А этого еще придется обрабатывать напильником, чтобы он мог кого-нибудь очаровать.

– Так придумай что-нибудь, – посоветовал Роман. – Ты же не собираешься производственный роман писать, как Хейли? «Отель» уже написан.

Иногда я соображаю так быстро, что удивляю сама себя.

– Значит, гостиничный бизнес?

– В точку!

– Так ты знаешь много интересного, и не такого устаревшего, как у Хейли!

– Нет.

Роман откинулся в кресле, буквально ввинчиваясь в меня взглядом. В любом другом случае это было бы жутковато и неудобно, как, видимо, и задумывалось. Но зеленые глаза... Я просто таяла, когда мне удавалось смотреть в них так долго. Мой личный фетиш. Продолжайте, Роман-как-вас-по-батюшке, блин, надо было все же погуглить!

Интересно, он сейчас гадает, почему на меня не действует это психологическое оружие или применяет его просто по привычке?

– То, чем я занимаюсь – довольно скучно. На моем уровне менеджмента практически все равно, чем ты там владеешь – БДСМ-клубом или ядерной электростанцией. Самыми интересными вещами занимается управляющий. Или начальники смен. Или повара. Или горничные? Познакомить тебя с горничными?

– Лучше с официантками, которые вас на вечеринках... – я только тут поняла, что по привычке обнимаю губами колпачок ручки и лучше срочно перестать это делать. – ...обслуживают...

– Это не ко мне. Я у себя загулы не устраиваю. У меня сеть семейных отелей для состоятельных людей.

Семейные отели... Даже без эскортниц? Да уж, для книги это катастрофа.

– Вообще-то я хотела узнать другое, – сказала я, выключая диктофон и смахивая микрофон обратно в рюкзак.

Все это чушь.

Я не делаю интервью для «Форбса». Никто не будет заверять слова Романа Витта и засушивать меня, если я изменю хоть запятую.

Это просто книга. Моя книга. Что хочу, то и делаю.

Возможно, от реального Романа в ней останется один зеленый «Порше».

Главное, чтобы осталась его суть.

– Что же? – поднял брови Роман.

– Какой ты – настоящий миллионер? Наверное, если в рублях считать, то даже миллиардер? Как ты относишься к деньгам? Как у тебя получилось их заработать? Как получается сохранять? Имеют ли они для тебя абсолютную или относительную ценность?

– В смысле – абсолютную?

– Ну, например, для меня пятьдесят рублей – не особо деньги. Я спокойно отдам их попрошайке, не расстроюсь, если выпадут из кармана и скорее всего даже не замечу если потеряются в расчетах. Допустим, мой доход 100 тысяч. Значит они для меня – 0,05 % моего дохода. Для тебя 0,05 % дохода будет, допустим, ну... – я задумалась. – Пять тысяч? Ты ведь зарабатываешь хотя бы десять миллионов в месяц? Так ли ты легко расстанешься с пятью тысячами? Вот прямо сейчас достанешь и отдашь мне?

Роман расплылся в ехидной улыбке. А, ну да – вызов. Вызовы он любит, в этом мы похожи. Он полез во внутренний карман пиджака, вытащил оттуда неопрятный ворох каких-

то карточек, визиток, бумажек – среди них были и пяти тысячные купюры. Одну из них он протянул мне.

Я взяла. Что я, дура – отказываться?

Однажды, услышав, что я феминистка, один мой приятель целый вечер демонстративно открывал мне двери и в конце заплатил за мой ужин, заявив, что тем самым помог патриархату победить.

Как истинная феминистка – то есть та, кто во всем на стороне женщин, я предложила ему не стесняться и как можно чаще помогать патриархату побеждать таким способом. От наличных тоже не откажусь.

Почему-то он решил борьбу не продолжать.

– Понты дороже денег, – фыркнула я. – Ради красивого жеста можно и больше отдать!

– Отдашь мне ради красивого жеста половину своего дохода? – сощурил зеленые глазищи

Роман.

Если ты разденешься под музыку – отдам даже весь.

Нет, я этого не сказала.

Я сделала вид, что задумалась:

– Допустим. А ты мне?

Роман покачался на кресле из стороны в сторону, задумчиво глядя на меня:

– Тебе надо разводить людей на бабло. Вот так за пять минут заработать пять миллионов.

– Я их еще не заработала, – напомнила я.

Было интересно, как он собирается выкручиваться.

– Сначала ты! – подначил он.

– Давай реквизиты.

Он достал из внутреннего кармана все тот же ворох хлама, выудил оттуда пластиковую карту и показал мне. Из рук. Предусмотрительный какой.

Я забила в телефон ее номер и перевела ему пятьдесят тысяч со своего счета. Внутри что-то тоненько звенело от тихого восторга. Это и называется азарт? Никогда не испытывала.

Даже кольнувшее внутри: «Это был твой новый ноутбук, Алиса! Или хотя бы половина!» меня не расстроило.

– Ну? – поторопила я.

– Вот так я заработал свои миллионы, – спокойно сказал Роман, убирая карточку во внутренний карман. – Разводя наивных девочек на деньги лучше, чем они разводили меня.

Я некоторое время не верила красоте игры.

Нет, серьезно?

Он не собирается выполнять свою часть сделки?

Нет?

Он просто забрал мои деньги – и все?!

Улыбка Романа была дьявольски хороша.

Мне оставалось лишь, изо всех сил сохраняя лицо, медленно поаплодировать ему.

Красавчик!

4

Хорошо. Продолжим. Потери будем переживать в тишине собственной квартиры.

– Что же ты купил на первый заработанный на бедных нищих писательницах миллион, подлый богач? Мне надо знать, как мыслят такие, как ты.

Мне кажется, я уже немного хамлю, но это простительно. Все же еще раннее утро, обещанного кофе нет как нет.

А еще, знаете, чего нет?

Пятидесяти тысяч у меня на счету.

Не задался денек.

– Что это тебе даст? – Роман откинулся на высокую спинку кресла, глядя на меня слегка сверху вниз, полуприкрыв глаза и задрал подбородок. – Не все миллионеры одинаковые.

– Не все, но про нормальных, не скурвившихся, я и так знаю, – фыркнула я.

– Что же ты знаешь? – удивился он. – Нет, я помню, что я у тебя не первый, но вот любопытно даже.

– Они покупают на первый миллион рублей машину маме, – назидательно сказала я. – А на первый миллион долларов дом у моря. Дальше живут как раньше – только апельсиновый сок у них свежесжатый, а меланжевые футболки по пятьдесят долларов, а не по пять.

– Думаю, даже по пятьсот... – протянул Роман.

– Не исключаю такой вариант, в Долине бешеные цены, – кивнула. – Ну, а ты? Гору кокаина? Снял бордель на неделю? Катался на вертолете, пока не стошнило?

Роман тихонечко прикрыл лицо ладонью, поглядывая на меня сквозь разведенные пальцы и сдерживая смех.

– Давай я тебя шокирую, – предложил он. – У меня вообще не было первого заработанного миллиона.

– В смысле?

– Я из богатой семьи. Дед академик, второй дед КГБшник. Отец, когда стало можно, быстро построил бизнес на связях. Мама бывшая модель, мисс чего-то там. Загородный дом сразу за МКАДом, большая квартира в центре. К совершеннолетию я уже был миллионером, ничего для этого не делая. Прости.

Он пожал плечами.

– Что ж я тебя раньше не встретила? – вздохнула я.

Он смерил меня критическим взглядом:

– Прости, фейс-контроль ты бы не прошла. В те времена в мою постель был жесткий отбор. Метр семьдесят пять, 85-55-85, грудь своя «троечка», глаза голубые, натуральная блондинка. Ну, конечно, макияж, платьица, каблы, то-се, ты понимаешь.

– Понимаю... Как же так вышло, что ты так низко пал в нынешние свои годы и гоняешься за мной?

Он ощерился, безошибочно уловив в моем тоне нотку уязвленности. Я и не собиралась участвовать в соревнованиях за его юный миллионерский член, но то, что меня даже в списки претенденток не внесли бы, все равно задело остатки женской гордости.

– Пересмотрел приоритеты.

Как бы иллюстрируя этот «пересмотр», в приоткрывшуюся дверь прозрачного кабинета прошествовала греза-мечта восемнадцатилетнего Романа Витта.

Высоченная, худющая, с ногами от ушей и каблуками непристойной высоты, ну и так далее – вот это все, что он там описал, тут было в наличии. Как и деловой костюм с декольте, открывающим вид на «троечку» и все бесконечные сантиметры ног. Или уже даже метры. Полтора метра ног там точно было.

– Ваш кофе, – мурлыкнула греза-мечта и по совместительству, видимо, секретарша. И выставила две маленькие чашечки на стол. И так же с достоинством удалилась, причем на ее задницу я и сама с удовольствием засмотрелась.

– Держи, – Роман передал мне одно из блюдечек. Я вдохнула аромат и замерла от наслаждения. Если на вкус это будет так же волшебно, я передумаю даже возмущаться тем, что меня не спросили, нужны ли сливки и сахар.

Я осторожно попробовала глоточек.

Бли-и-и-ин...

Даже в Италии было лучше только в двух местах: на богом забытой заправке где-то в полях и в кофейне у собора в Милане.

Можно я у него эту длинноногую в рабство заберу, а?

Роман спокойно отпил пару глотков и отставил этот божественный эликсир в чашечке остывать. Как будто так и надо!

Я не смогла оторваться и смаковала глоток за глотком, пока совсем ничего не осталось. Посмотрела в тоске на гущу на дне, узоры которой предвещали мне смерть от сердечно-сосудистых заболеваний, если попрошу еще одну порцию, и вздохнула.

– Так что – ты реально стал миллионером из разорившегося миллиардера, моя шутка попала в точку? – спросила я у Романа, ничуть не подобрев после кофе. Даже наоборот.

– Нет, конечно, – фыркнул он. – Но и не с нуля, разумеется. Отца грохнули на излете девяностых, мать вышла снова замуж, и я взял фамилию отчима, чтобы не светиться как сын «того самого». Первую часть наследства я довольно быстро продолбал, вернулся за второй и тут-то отчим и открыл мне истину, до которой отец не успел допереть.

– О! – я наострила ушки. – Ну-ну-ну! Открой мне главную цыганскую тайну!

– Какую тайну? – не понял Роман.

– Блин! Ты никогда не слышал?

– Нет... – он заинтересовался. – Какая?

– Я была уверена, что у вас, богатых и развратных она точно такая же!

– Ну? – дернул меня он, наклоняясь вперед, чтобы лучше слышать.

Я тоже нагнулась, приблизила губы к его уху – только так следует передавать Главную Цыганскую Тайну – и громко прошептала:

– Краденая лошадь дешевле купленной!

Он отшатнулся и даже откатился на кресле подальше от меня. Покачал головой:

– Вот ты все-таки...

Я махнула рукой:

– Твоя очередь. В чем же миллионерский секрет?

5

Роман тяжело вздохнул. Он-то, небось, всерьез. А я опять...

Но все же сдался:

– «Работать надо не восемь часов, а головой».

– Круто. Но я это уже слышала, – разочарованно протянула я.

Он пожал плечами:

– Это правда. Отец крутился круглые сутки без сна и отдыха. Если б не та роковая разборка, все равно бы не дожил до нынешнего дня, сердце уже шалило. А отчим ничего, до сих пор жив-здоров, до ста лет проживет.

– И ты, значит, не крутишься? – уточнила я.

– Нет.

– Не работаешь круглые сутки? Или хотя бы ночами?

– Неа.

– Не тратишь кучу денег на психотерапевта и кардиолога? Не сидишь в отпуске на пляже с ноутбуком и тремя телефонами?

– Нет, нет и нет, – развел он ладони.

– А как же ответственность? – сощурилась я.

– Делегирую, – хмыкнул Роман. – Вместе с остальной работой. В этом секрет. Когда у тебя много денег – работы меньше. И ответственности меньше. Поверь мне, я однажды успел

даже в Макдоналдсе потрудиться. Деньги и работа – не связаны. Вообще. Деньги и свобода – тоже.

– Такой подход вызовет еще больше классовой ненависти у простого народа, – сочла своим долгом предупредить я.

– Да? – он поднял бровь.

– Я вот тебя уже ненавижу, – заверила его. – Раньше утешало только то, что за белую яхту в бирюзовом море ты расплачиваешься стрессом и импотенцией.

– И ты считала, уж если даже ты вешаешься от стресса, то миллионерам хуже? И если надо еще больше нервничать – то ну их нафиг, эти достижения? – насмешливо уточнил Роман.

– Типа того.

– Прекрасный подход! – он пожал мою руку. Я не успела ее отдернуть, хотя демонстративно вытерла о платье. – Всецело одобряю. Мне больше достанется.

Я фыркнула. Опять задел. Что-то я сегодня проигрываю по всем фронтам, надо бы под собраться. Прийти в себя. Проснуться, в конце концов.

В чашечке совсем больше не осталось ни капельки кофе. Я немного грустно посмотрела на стол, где остывал кофе Романа, но еще не пала так низко, чтобы кланчить у миллионеров еду.

Молчание было напряженным. С моей стороны так точно. Чем сильнее стараешься выдумать какой-нибудь непринужденный заход для разговора, тем яснее становится, что спасти беседу сможет только прилет инопланетян.

Очевидно, у Романа таких проблем не было. И напряжения он тоже не ощущал – судя по расслабленной позе.

– Но ведь ты лукавишь... – сказал он, любуясь на тот независимый вид, который я приняла, чтобы не выдавать свою неловкость. – Если б тебе ничего не было нужно, ты бы ничего и не делала. Не писала свои романы – за деньги, кстати! И не сидела бы тут у меня с наглым видом.

– Деньги не главное? – предположила я очевидный вариант.

– Тебе не нужны деньги? – равнодушно-удивленно поинтересовался Роман.

Дескать, ну давай, соври. Мы все будем знать, что ты врешь, но можешь покрутиться белизной своих одежд.

Хотя, конечно, честно на этот вопрос ответить «нет» невозможно.

Я здоровый меркантильный человек.

Если начать мечтать, стартуя с бесконечного источника средств, то сначала я куплю новый ноутбук – эх, мои пятьдесят тысяч! – потом телефон, туфли, поеду в отпуск в Испанию...

Потом пойдет нормальная еда: стейки не из «Ашана», а из Новой Зеландии, шампанское не из Крыма, а из Франции.

И отпуск не раз в год, а три! Даже четыре! Шесть! Вообще переехать в домик на берегу моря!

Личного повара, чтобы не отвлекаться на готовку. С диетологом – чтобы подобрали рацион на котором я эффективнее, здоровее и пишу быстрее.

Машина. «Поршник». Можно черный, я не гордая. И Феррари. Красенькую.

Самолет личный – чтобы в отпуск, минуя орущих младенцев в салоне... а лучше прямо необитаемый остров, да?

Только начни мечтать, разворачивая свои желания на максимум – и человеческая жадная натура возьмет верх.

– Да при чем тут деньги... – поморщилась я. – Фишка же еще в том, чем именно ты занимаешься ради них. Можно ведь старушкам фуфломицины от рака впаривать втридорога. А можно писать сказки про миллионеров.

– Совершенно верно, – довольно кивнул Роман. – Но ты сама себя выдаешь именно своими сказками. Творчество закрывает самые сквозящие дыры в жизни людей. Тебе остро не хватает денег – отсюда и мечты о миллионерах.

– Согласна, – я даже не стала спорить.

Вдосталь денег, чтобы приехать в «Икею» и кой-то веки купить там ВСЮ фигню, на которую падает взгляд, и НИЧЕГО не выложить у кассы – это вообще мой эротический сон.

Допускаю, что у кого-то мечты будут побогаче – про туфли Джимми Чу или кольца «Тиффани». А то и про французскую кондитерскую, где можно попробовать все стопицот пирожных и тебе за это ничего не будет – ни жира на жопе, ни лишних пятидесяти километров на велотренажере.

– Но чего еще, судя по романам, тебе не хватает... – вкрадчивым шепотом произнес Рома, наклоняясь ко мне вновь так близко, как при обмене «цыганско-миллионерскими» тайнами.

– Чего же?... – заинтриговано спросила я, бездарно на это ведясь.

– Мужика хорошего! – мурлыкнул он мне на ухо самым сладким и бархатным тоном, который только сумел изобразить своим великолепно поставленным голосом.

– Да бля! – я чуть рефлекторно не засветила ему между ног.

А будь на мне те туфли на платформе, не удержалась бы!

6

– Иначе как бы ты так страстно писала про сексуальных мачо?... – вертась в кресле, развил свою мысль крайне бесящий меня сейчас Роман. – Про их могучие сильные руки, твердые животы и вздымающиеся члены?

Все-таки, видимо, что-то он читал...

– Вот так и писала бы, как все замужние коллеги, у которых нормально все с мужиком в доме! – огрызнулась я.

– Им тоже не хватает.

– Мужика? – усомнилась я.

– Любви, нежности, страсти, игры, бешеного траха, в конце концов.

– Слушай, ну давай ты свой личный опыт не будешь распространять на всех? – ядовито улыбаясь, попросила я. – Если тебе хороший мужик помог, не факт, что другим поможет.

Он замер, глядя на меня с прищуром и полуулыбкой. Глаза ярко вспыхивали зеленой.

Роман забавлялся.

Видел все мои слабости, читал укрытые за бравадой позорные мысли, насмехался и играл.

Я тоже насмехалась. И играла. Но надо было признать истину – если правильность жизненных установок измерять достигнутым успехом, то наши споры не имели смысла. Победил он. Сразу и без сомнений.

– Мне просто интересно, – легкомысленным, отвлеченным тоном заговорил он, все так же расслабленно покачиваясь в кресле и глядя в потолок. – Как это вообще – так сильно чего-то желать, чтобы было не лень целыми днями торчать носом в экран, описывая эти желания в мельчайших подробностях? Жажда так, что жжет в груди и зудит кожа – так ты описывала в одном чате зависть к более успешным коллегам, да?

– А ты не знаешь?

Мне хотелось его ударить. Или удавить. «В одном из чатов», надо же. Как только умудрился...

– Забыл... – пожал он плечами. – Или не знал никогда. Я все могу купить. Хоть первое место в ваших тараканьих бегах, хоть гениальный роман непосредственно из-под пера... кто там сейчас самый талантливый в стране?

– Не все продаются.

– Не всегда за деньги – но все. Даже тебя голую на заднем сиденье моей машины можно купить. Я просто никогда не предлагал достаточно.

– Пфффф... – я закинула ногу за ногу. Видение меня голой на заднем сиденье «порша» немножко меня взбодрило. Правда, что ли, мужик бы не помешал?.. – Нельзя купить любовь. Вдохновение. Здоровье.

– Ой, брось! – скривился Роман. – Здоровье точно можно. Если не тупить, как Джобс, и не пытаться чистотелом рак лечить, будешь почти бессмертен. А скоро – и совсем. Любовь, вдохновение... Можно купить их имитацию – настолько точную, что настоящие и не понадобятся.

– И к чему ты ведешь? Что раз можешь все купить, то ничего не хочешь?

– Вроде того... – его поза стала еще более вальяжной, но...

Но теперь не верила его бравате уже я.

Кто же тот, кто ничего не хочет?

Миллионер? Аскет? Тот, кто себе врет?

Я знала ответ на этот вопрос.

Человек в депрессии.

Натура наша такова, что, получив все возможное, мы начинаем хотеть больше – невозможного. Начинаем с нового ноутбука, останавливаемся на необитаемом острове – но это еще не конец желаний. Получая новое корыто, уже мечтаем о короне Владычицы Морской.

Так устроен человек.

Если Роман все может, но ничего не хочет – у меня для него плохие новости.

Пока мы трепались, офис за стеклянными стенами постепенно заполнялся людьми. Почти незаметно нарастал шум: разговоры, шелест бумаг, гудение компьютеров, шорох шагов, бульканье кулеров и кофеварок. Начиная это странное интервью в полной тишине, спустя пару часов мы оказались в центре бурлящей деловой жизни.

Проходящие мимо по коридору сотрудники переглядывались, замечая Романа, подталкивали друг друга, указывая на нас. Переговаривались, собираясь стайками и косясь в сторону кабинета руководства. Понятия не имею, что можно было понять по нашим напряженным позам. Даже интересно.

Увы, не всех наша странная мизансцена отпугивала.

Роман сидел ко входу спиной, а вот мне было хорошо видно, как ловко длинноногая модель-секретарша сбивала на подлете к кабинету некоторых упорных поклонников начальства.

Поймав пару моих любопытных взглядов за его спину, Роман обернулся и, кажется, только сейчас заметил, что жизнь уже кипит.

Он взглянул на часы, потянулся и предложил:

– Пойдем позавтракаем, что ли? Кофе это хорошо, но мало.

– А можно мне еще кофе, раз тебе мало? – обнаглела я.

– Там и выпьем, – он поднялся и мотнул головой. – Идем, идем!

Ну, конечно, там мы выпьем какую-нибудь фигню из кофемашины, а не вот это вот божественное... Эх.

Вырасту большая, тоже заведу себе сексуальную секретаршу с божественными скиллами варки кофе. А может даже секретаря. Зеленоглазого.

Вздыхнув, я прыгнула с подоконника, собрала в рюкзак все, что успела разбросать, подхватила мандарин из вазы на столе и направилась следом. Этот мужчина умеет вести за собой. Хочешь – идешь. Не хочешь – тоже идешь, не сидеть же в пустом аквариуме под взглядом рыбок.

Кстати, о взглядах. И рыбках.

Нагнав Романа у клетки с соловьем, я подергала его за рукав и кивнула на яркую брюнетку, стоящую у кулера со стаканчиком воды в руках.

– Слушай, а чего эта ваша мадам смотрит на меня, как гриф на пададь?

Брюнетка реально чуть не проггла во мне дырку еще когда мы были в кабинете, а когда вышли, так и вовсе не выпускала из поля зрения. Если бы я верила в сглаз, уже планировала бы свои похороны.

– Это? – Роман обернулся, поймал брюнетку в фокус, и загоревшийся было интерес в его глазах погас. – Это моя бывшая.

7

– Твоя бывшая? – почему-то удивилась я.

– А что такого? Ну да, у меня есть бывшие. Сука-бывшая, страдальца-бывшая, святая-бывшая, сталкерша-бывшая и еще пара десятков вариантов, как у всех, – равнодушно отзывался он.

– Фигасе... У всех, конечно, но не все собирают полную коллекцию.

– А ты думаешь, в моем возрасте у мужчины должны быть в прошлом только одни-единственные отношеньки? После которых он завязывает с этим и садится ждать, пока кто-нибудь отогреет его сердечко?

Роман усмехнулся, я фыркнула. Нет, при этом раскладе я бы его даже рассматривать не стала. Зря я три года платила кучу денег своему психотерапевту, что ли? У меня на страдальцев теперь не стоит от слова «совсем». Но вот на наглецов с зелеными глазами – все еще да.

Заметив, что сверлящая меня взглядом девушка от кулера переместилась гораздо ближе к лифтам, у которых мы стояли, я нервно отодвинулась за спину Романа и уточнила:

– Слушай, а она меня кислотой не обольет? Из ревности.

– Не знаю... – пожал он плечами, явно сдерживая смех. – Ты на всякий случай меня не целуй слишком страстно.

– Уговорил, никак не буду, – проворчала я и выдохнула с облегчением, когда двери лифта сомкнулись перед нами. – Мне не понравилось быть роковой женщиной, я лучше останусь в своем амплуа серой мыши.

– Серой мыши? – Роман поднял бровь. – Ну-ну. А когда ты успела побыть роковой?

Я подбросила мандарин к потолку, поймала и принялась снимать шкурку, опустив глаза. Одна из тех историй, которые прикольно рассказывать и в которых не прикольно участвовать.

– Ну... Познакомилась как-то с симпатичным и умным дагестанцем на сайте знакомств...

– Многообещающее начало, – кивнул Роман.

– Да ничего такого, – поморщилась я. – Чувак знал пять языков, и у него было чувство юмора, как у меня. Но, разумеется, случайно забыл рассказать, что женат.

– Случайно.

– Ну, знаешь, им четырех жен можно, так что всего одна никак не помешает единению сердец, – я вздохнула. – Но культурные различия, то-се, мы еще даже встретиться не успели, а я уже решила, что, пожалуй, просто дружить лучше. Однако как-то утром открываю я телефон, а там сообщение: «Здравствуйте, Алиса, я жена Хана, оставьте в покое моего мужа!»

– А ты? – полюбопытствовал Роман.

– А я что? – фыркнула я, выходя из лифта и ища, куда кинуть очистки от мандарина. – Полдня гордилась, что кто-то думает, что я тут женатых дагестанцев соблазняю, а потом сказала ему, что, кажется, дружить не получилось.

– То есть, динамить мужиков у тебя любимая стратегия? – ухмыльнулся Роман, вынимая почищенный мандарин у меня из руки.

– Эээээ... – я остановилась. – Эй! Мое!

– Разве ты чистила его не для меня? – удивился он. – Ну ладно.

Он аккуратно, чтобы не обрызгаться, разделил мандарин и отдал одну половину мне, а вторую целиком засунул в рот.

– Вот ты... Он был мой!

Я даже слово не могла подобрать правильное. Матерные казались мне каким-то блеклыми и плоскими, недостаточно выражали его многогранную личность.

– Мандарин был мой, – заявила личность. – Я его тебе просто отдал на аутсорс почистить.

– Нихрена себе! За аутсорс платят!

– Ну вот, половина – более чем щедрая оплата, – пояснил он.

Я посмотрела недоверчиво, выстраивая всю схему:

– Фигасе вы, буржуи, продуманные наебщики...

Пятьдесят потерянных тысяч еще разок постучались пеплом в мое сердце.

Придем в едальню – закажу самый дорогой завтрак с самым дорогим шампанским.

8

Но поймав по пути еще один ненавидящий взгляд в свою сторону и влюбленный – в сторону Романа от очередной длинноногой красотки, я снова поежилась:

– Тоже твоя?

– Кто? – он даже не заметил ее. Обернулся, явно заценил вид сзади и кивнул. – Ага. Из категории сталкерш.

– Твои бывшие на всех существ женского пола рядом с тобой смотрят так, как будто хотят расчленишь? – я на всякий случай старалась держаться теперь подальше от красивых женщин, проходящих мимо. Кто знает, сколько из них прячет дамский пистолет в сумочке. – Я, может, не претендую вообще? Я, может, просто журналистка. Или партнер по работе. Бывают же у тебя в офисе такие?

– Бывают, – кивнул Роман. – Но с ними я тоже сплю.

– Ты нормальный вообще? – я даже остановилась. – Просто работать на работе пробовал?

– Слушай, а где еще взять столько умных ухоженных женщин, которые понимают правила игры, как не на работе? М?

– Что же за правила?

– Ты же не собираешься их соблюдать, Алиса... – провокационным тоном мурлыкнул Роман, склоняясь ко мне.

На слабо не ведись. А стоять так близко к нему у всех на глазах, кажется, и вовсе опасно для здоровья.

– Вот как раз чтобы случайно не соблюсти!

– Что за подростковый максимализм... – поморщился он.

– Виновна... – я развела руками. – Что ж с вами, взрослыми, еще делать? Только отвечать хаосом на регламентированность даже в одноразовом сексе.

– Это инфантилизм, Алиса... – все еще морщась, будто у него болит зуб, простонал Роман.

– Ты мне сейчас напоминаешь некоторых читателей, которые моим героиням инфантилизм приписывали только по признаку цветных волос.

Мне, кстати, всегда хотелось с ними как следует поспорить. Но там было нельзя. Зато здесь! С этим невыносимым зеленоглазым наглецом – да сам бог велел.

– Нет, волосы не инфантилизм, – подумав, сообщил Роман. – А вот твое поведение...

– Я себе на жизнь зарабатываю, с оплатой счетов справляюсь, еду готовлю, законы соблюдаю. Что еще надо взрослому человеку для того, чтобы считаться адекватным? – поинтересовался.

валась я. – Трахаться с первым встречным миллионером? Без претензий. И считать, что соблюдение этого нехитрого правила и есть зрелость и нормальность?

Роман открыл рот, чтобы что-то мне возразить, но в этот момент я, видимо, так отчетливо изменилась в лице, что рот он закрыл обратно и проследил за моим взглядом.

Мы давно вышли из лифта и вроде бы должны были куда-то пойти завтракать, но почему-то застряли в атриуме офисного центра, с наслаждением препираясь.

Если бы не человек, которого я увидела на той стороне фонтана, то продолжали бы, наверное, пока не умерли голодной смертью.

Но сейчас у меня резко пропало всякое настроение.

Прошлое

1

Роман разглядывал толпу за фонтаном, пытаясь понять, на кого я среагировала. Но как ему было узнать главное чудовище моей жизни? Самые жуткие монстры никогда не снабжены набором когтей и клыков, не пышут огнем и не возвышаются над городом, как Годзилла.

Они выглядят как обычные люди. Иногда даже симпатичные.

В этом-то и состоит самый ужас.

– Почему у тебя такой вид, будто ты увидела зомби? – полюбопытствовал Роман.

– Лучше бы я увидела зомби... – пробормотала я, следя взглядом за высоким мужчиной в черных джинсах и клетчатой красной рубашке. Ох уж эти его попытки одеваться брутально, как канадский лесоруб!

Он обернулся, почувствовав мой взгляд. И кивнул, как будто мы просто старые приятели, которые не хотят отвлекать друг друга от дел, встретившись ненароком в городе.

– Кто это? – поинтересовался Роман.

– Мой бывший муж.

– Так. И почему лучше зомби?

– Однажды я написала книгу о девушке, которая все еще любила бывшего мужа. Даже спустя несколько лет после расставания.

– Про него?

– Частично про него, – вынуждена была признаться я. – Использовала свои эмоции после развода. Это вовсе не значит, что я хотела, чтобы он вернулся! Когда любила кого-то, кто умер, его оживший разлагающийся труп тебя не очень порадует.

– Понятно... – как-то тяжело уронил Роман. И спросил с некоторой угрозой: – Про кого еще ты писала книги?

– Про синеглазого миллионера... И про сероглазого тоже.

– Приходили? – деловито уточнил он.

– Увы, нет, – вздохнула я.

Я понимала, что он делает – забалтывает меня ерундой, чтобы оттаяла. Чтобы перед глазами перестали мельтешить черные точки, а в ушах бухать сердце. Интуитивно или намеренно – этого я не знаю. Видимо, со стороны я выглядела еще хуже.

– А еще про кого? – он продолжал меня тормозить.

– Про зеленоглазого фейри и черноглазого вампира, – послушно отчиталась я.

– Экие у тебя все глазастые, – ухмыльнулся он.

– Ну вот так...

– Вампира, значит... – задумчиво сказал Роман. – Значит, идем запасаться чесноком? Вдруг он тоже решит тебя навестить?

– Прости, но, боюсь, чеснок против него не поможет, – развела я руками.

– Почему?

– Он не боится чеснока.

– А чего боится?

– Да ничего не боится, он безбашенный.

– Хорошо, а чем его можно убить? – так по-деловому спросил Роман, будто и в самом деле собирался организовывать противостояние с моим Люцием. И даже верил, что тот может явиться во плоти. Посидеть тут под кондиционерами, выпить латте с малиновым сиропом,

пофлиртовать с девчонками-официантками, а потом закусить одной из них в подсобке. Или трахнуть. Ну, как пойдет. Может быть, и одновременно, может быть, и не с одной.

– Боюсь, что ничем...

– Ты написала о монстре, которого нельзя ничем убить? Женщина, ты вообще в своем уме?!

Роман сделал такие глаза, будто сейчас вот прям из-за моих неправильных представлений о том, как писать фэнтези, начнется конец света.

– Это не монстр! – возмутилась я.

– А кто?! – еще сильнее возмутился он.

– Воплощенная мечта о несбыточном. Которая сбылась!

– А если он снова сбудется? А? Что делать?

– Ну...

Откуда мне знать. Раньше я бы с удовольствием встретилась с Люцием в реальной жизни. Но с тех пор многое случилось и, пожалуй, я стала меньше склонна к самоубийственным мечтам.

– Слушай, а какие у меня глаза? – вдруг спросил Роман.

– У тебя зеленые, – сообщила я ему свежую новость.

– Значит, я феири? – рассмеялся он, и я тоже наконец преодолела свое оцепенение и слегка улыбнулась. Носатый мужик в деловом костюме, который разводит меня на деньги и мандарины... Ну почему бы и не феири, право слово!

– Так, ладно, – он зачем-то посмотрел на часы и потянул меня к выходу. – У меня тут одно маленькое дельце, буквально минут на пять. Подождешь? Выходи пока к дороге, я машину заберу и подъеду.

– Хорошо, – послушно кивнула я и пошла к свету и теплу из замороженного кондиционерами офисного центра.

2

Сердце билось тяжело и часто, совсем как в те первые дни после развода. Как в тот день, когда муж написал мне, чтобы уточнить, как получить собственную копию свидетельства о расторжении брака, а то он снова жениться собрался.

Тогда я думала, что у меня все давно отболело: терапия, новые отношения, время, алкоголь – четыре всадника, помогающих пережить любое расставание. Но все оказалось не впрок.

Сколько лет прошло, а реакция на него все та же.

Когда мне плохо, я убегаю и прячусь, как кошка. Несколько лет назад у меня были приступы панкреатита, и я тихонько вставала ночью и уходила в ванную, садилась там в уголок на пол и переживала дергающую боль, никого не беспокоя, даже врачей. Кошки умирают в одиночестве.

Потому и сейчас ноги несли меня куда-нибудь подальше от людей, не спрашивая совета головы. Просто подальше.

Я завернула за угол офисного центра и увидела посреди двора деревянный навес и жмущихся под ним друг к другу несчастных курильщиков. Видимо, здесь над ними сжалились и не гоняли за территорию, а выделили специальное место.

Зашла – и почувствовала, как мощно выдувает душу встроенная в крышу вытяжка. Одним взглядом попросила сигарету у ближайшего офисного мальчика, тот без слов протянул «Парламент» и даже подал зажигалку.

Я затанулась, нащупывая языком привычные края воздушного фильтра. Да, именно эти сигареты я и курила тогда. Давно бросила. Но с некоторыми вещами можно справиться только саморазрушением. Пустить встречный пал, чтобы потушить лесной пожар.

Когда бывший муж появился передо мной, я даже не удивилась. Если твоя жизнь становится похожа на собственную книгу, совершенно не удивительно, что события нанизываются как жемчужинки на леску. Ведь сейчас конец августа. Почти тот самый день.

3

Шесть лет назад я сидела в кафе с любимой подругой, стараясь не замечать, как мой мир расплывается под пальцами. Напряженно держала его ветхие клочья и надеялась, что все пройдет. За окном было такое же солнечное и радостное лето, как сейчас. И все должно было быть хорошо, но впереди меня ожидали глубины ада.

Больше всего на свете я любила август до того момента шесть лет назад. Теперь я закрываю окно, когда вечерами начинают пахнуть горькие травы под огромной луной конца лета. То, что раньше приносило радость, сейчас причиняет физическую боль.

Сложнее всего – поднять на него глаза. Отважно взглянуть на призрака. На зомби. На главного монстра в этой игре.

Тяжело. Но надо.

Меня трясет внутри, но снаружи я снова леденю. Сердце заходится воем – то стучит в горле, то ухает горячим камнем в живот. Это даже больно. Я, знаете, в свои тридцать три уже нифига не юна! У меня уже изнашивается это несовершенное тело. Такое вот переживать – кто угодно изнашивается.

Но почему-то реальная боль делает все морально легче. Даже какая-то злость появляется. Жила без тебя тихо, спокойно, нормально! Какого хрена надо было появиться на моем пути и испортить мне здоровье? А если это сердечный приступ? Придется лечь в больницу, а у меня книга недописанная. И день рождения скоро.

Когда-то я отдала больное сердце одной из героинь и надеялась, что избавилась от страха сердечного приступа навсегда. Обычно помогало, вон, «божечки-кошечки» я больше не говорю по любому поводу, моя Яна забрала их себе. А с сердцем, выходит, не получилось. Только зря Ириску мучила.

А он подходит все ближе, медленно, как кот, который загнал мышь в угол и теперь уверен, что никуда она не денется.

Выщелкивает сигарету из пачки, тоже закуривает.

Говорит:

– Читал в твоём романе про себя.

«Откуда ты узнал?» – думаю я. Но не спрашиваю вслух. С ним так нельзя, я помню. Я и так в ловушке, заглатывать крючок целиком – плохая идея.

Молчу. Курю. Смотрю на него, отмечая, как он изменился за прошедшие шесть лет. Да не особо. Как раз тот возраст, в котором мужчины застревают дольше всего.

– Я так понял, ты хочешь, чтобы я вернулся?

Молчу.

– Так вот он я! – ухмыляется и раскидывает руки в стороны.

Бери, мол. Ага.

Какая же ты сволочь, вечная любовь моя. Какой сволочью был, такой и остался.

Тушу сигарету, сжимаю руки перед грудью, в глазах закипают слезы:

– Я так скучала по тебе, солнце мое... Так скучала! Ты не представляешь... Все эти годы были сплошным пустынным адом, по которому я шла, потеряв ориентиры, и не зная, есть ли выход, смогу ли когда-нибудь стать прежней. От меня осталась даже не половина – меньше половины. Без тебя.

Дожидаюсь появления самодовольной улыбки. Все вы одинаковые – игроки, в которых я влюбляюсь. Все.

И бью:

– Слушай, ты реально думал, что моя книга – этакий зов в пространство? Приди и спаси меня, мой герой! – спрашиваю я уже нормальным голосом, выпрямляясь и переставая разыгрывать дождавшуюся своего возлюбленного Кончиту. – Это же просто великая сила искусства! Фикшен! В реальности я бы послала тебя в любой из дней, когда бы ты ни явился.

Я не говорю, что и сегодня ему не поверила ни на секунду.

Он молчит и курит. Его очередь молчать, да.

Готовит ответный удар.

После которого я уже не оправлюсь.

4

Но – бусинка скользит по леске, мягко стучается боком о свою предшественницу в этом ожерелье сюжета. И я вижу, как от дороги, где беспечно, с распахнутой дверью, оставлен «порш», ко мне идет Роман. Смотрит издалека на нашу мизансцену, поднимает бровь.

Ладно, игрок, не подведи другого игрока.

– Извини, – говорю. – Мне пора. Ждут.

– Кто? – бывший муж оборачивается посмотреть на зеленоглазого моего спасителя. – Начальник твой? Кем работаешь?

Надо же. Ему интересно.

– Любовник. Я, ра-зу-ме-ет-ся... – чеканю. – ...не работаю.

Иду к Роману, и тот начинает улыбаться. Невероятно приятно, когда тебя так встречают. По-настоящему, а не в игре, как сейчас.

С разбега висну у него на шее, он подхватывает меня и целует. Прижимается губами к губам, не пытаясь по случаю пробраться глубже и дальше. Легко отпускает, разворачивается, открывает дверцу машины... заднюю.

И достает огромный букет...

Оооо, если б это были розы, он бы проиграл. Но это – круглые пушистые астры изумительного лилового оттенка.

В точку, боже, как в точку.

Вот теперь можно открыть мне переднюю дверь, обогнуть машину, плюхнуться за руль и рвануть к поспешно поднимающемуся шлагбауму.

– Спасибо, – от души сказала я, когда можно было перестать бояться обернуться. – Как ты догадался?

– Я видел его взгляд на тебя, – ухмыльнулся Роман. – Что я, мужиков не знаю? Подошел раненого олененка добить?

– Ну. А то. – подтвердила я. – Откуда у тебя такие навыки телепатии, слушай? Тебе же денег достаточно для соблазнения?

– Деньги деньгами, а как же красота игры? – засмеялся он, лихо пуская «поршик» в галоп на почти пустом шоссе. Черт знает, куда мы ехали, и мне было все равно, у меня в крови плескался адреналин, а сердце танцевало латину.

– Жуть, как неловко, что я его победила таким дешевым приемом, – вздохнула я. – И ужас, как стыдно, что мне это нравится.

– Перестань дергаться и наслаждайся, – посоветовал Роман. – Успеешь еще поразить кого-нибудь глубоким интеллектом и непохожестью на обывателей. Прикинь, лет через пять еду я такой по Стокгольму по своим делам... Отель новый открываю. Например. Идешь ты мимо – и я такой на понтах: «Что, дорогая, туристочкой приехала? На автобус не опаздываешь?» А ты: «Ой, а подбрось меня до ратуши, мне сегодня Нобелевку вручили, опаздываю на банкет!»

Я расхохоталась:

– Нобелевку за любовные романы?

– Почему нет? Даже любовные романы можно писать хорошо. Ай!

Это я ткнула его кулаком в плечо за подначку.

Машина куда-то неслась, едва притормаживая на светофорах и лихо меняя полосы. Не знаю, где Роман в утренней Москве нашел столько свободных дорог, но это было ровно то, что надо.

От нервного адреналина, бурлящего в венах, хотелось двигаться, оставаться на месте было невыносимо. Но мышцы подрагивали от усталости – они напрягались изо всех сил, стараясь защитить меня от реальной опасности, не понимая, что тут бьют не кулаками. Сил идти у меня сейчас не было бы, а необходимость менять места и картинки перед глазами ощущалась как условие выживания.

Раньше я в таких случаях спускалась в метро и каталась по кольцу, чтобы не беспокоиться, когда там конечная у троллейбуса и куда пересаживаться дальше. Но летящие за окнами «порша» индустриальные пейзажи спасали куда лучше темных тоннелей.

А еще – рядом был человек, который все понимал.

Тоже, оказывается, совсем неплохо. Почти так же хорошо, как одной.

– Как ты умудрилась за него замуж выйти?

– Любила. Как еще? – тоскливо отозвалась я. И, помолчав, добавила уже без нужды: – По настоящему. Без этого вот про «любовь живет три года». Любила до самого конца – и немного после него.

Может быть, и до сих пор люблю.

Кто знает, как это работает?

– Ты поэтому одна?

Серые отбойники на фоне серых заборов временами сменялись взрывом зеленого и голубого, когда машина проносилась мимо парков. Но потом мы снова погружались в мельтешащее рекламой московское варьете.

Эффект попутчика? Давать Роману такое оружие в руки было неосторожно. Но он меня спас, и я прониклась к нему благодарностью, хоть и понимала, что доверять не стоит. Хотелось поделиться, рассказать, что на самом деле он для меня сделал. Как много.

5

Не думаю, что ему нужна вся моя история. В конце концов, она так до боли похожа на другие такие же, что я каждый раз качаю головой и вспоминаю Льва Николаевича. Это у историй счастья разные причины, а в несчастливых даже диалоги одни и те же, будто нет других слов.

Поэтому я только вздохнула:

– Если однажды попробуешь на вкус что-то настоящее, суррогаты уже не подходят. У меня заняло много времени осознание, что больше я так никого не полюблю. Поэтому бесполезно строить жизнь вокруг отношений. Надо искать другой смысл.

– Ты совсем-совсем разочаровалась в мужчинах? Бывают же хорошие надежные парни! – Роман так ехидно ухмыльнулся, что стало понятно – он имеет в виду не себя. Каких-то других хороших парней, которые должны утешать разочарованных нытиков, типа меня. А ему достанутся девушки первого класса, без душевных травм.

Ну.

Он может себе позволить.

– Нет... – я засмеялась, потерла пальцами лоб, проверила, что под глазами сухо, что я больше не плачу против своей воли, вспоминая о тех временах. – В мужчинах я разочаровалась

позже. Когда после трех лет психотерапии связалась с «хорошим надежным парнем» – ну, чисто для разнообразия. И, знаешь, что?

– Что?

– Те, кто говорят, что бабы-дуры предпочитают мудаков, потому что любят страдать, просто не знают, как качественно может уничтожить веру в мужчин хороший парень.

– То есть, две попытки – и ты сдалась? – поддел он. – Это не дело.

– Чего вдруг две? – возмутилась я. – До мужа я тоже вляпывалась!

– Не везет?

Пожала плечами.

Не умею выбирать? Притягиваю плохое? Что там еще предлагают обычно первым делом, если нарушаешь общественный договор и смеешь не искать больше любовь?

– Нет, я просто разочарованная в жизни... эта самая... как вы там говорите... – я пощелкала пальцами, вспоминая слово.

– Кто – мы? – уточнил Роман, нахмурившись.

– Ну все, все вы! – фыркнула я. – Обиженка, во! Страшная, старая, толстая и недотраханная!

– Хм... – он отвлекся от дороги на несколько секунд и тщательно оглядел меня с ног до головы, будто впервые увидел.

Оценивая соответствие списку.

Кажется, поставил галочку напротив каждого из пунктов.

И – промолчал, лучше всего подтверждая мои слова.

– Вот и отстань, – резюмировала я. – Со своими подкатами.

– Может, я дотрахать хочу? Хотя что-то поправить? – заржал он.

– Чтобы что?

– Ради мира во всем мире!

– Не потянешь! – развеселилась я. – Я – хтоническое чудовище, темная богиня мести мужикам!

– Многим отомстила? – у Романа аж глаза загорелись.

– Ты мои книги читал?

– Нет.

– Муахахаха, как говорят злодеи в мультиках. Все же сознался. Поверь, после моих героев на своих мужей женщины смотрят весьма скептическим взглядом!

– Тогда я точно обязан тебя дотрахать. Ради сохранения мира в семьях.

– Не поможет! – отрубил я.

– Раз ты так сопротивляешься, значит, поможет. Тут и есть твое слабое место! Иголка в яйце! Хотя у богинь наверное что-нибудь другое, не такое фаллоцентричное.

Я отвернулась, хихикая и прикусывая костяшки пальцев. Упорный какой. Упоротый, я бы даже сказала.

– Ром...

– Ладно, ладно! – он поднял обе руки, оторвав их от руля, и я немедленно поседела от ужаса. – Хтоническая так хтоническая. Хотя с богинями я еще не пробовал. Дружить ты хотела, или что там? Я, конечно, пять языков не знаю, как тот дагестанец, зато у меня и жены нет.

– Зато! – фыркнула я.

– Согласен, это бы ничего не изменило. Ну? – в нетерпении он даже газ выжал посильнее, превышая скорость уже совсем наказуемо.

– Ага. Дружить! – поспешно согласилась я, пока этот разговор не стал нашим последним.

– Тогда завтракать? – и Роман резко вывернул руль, ввинчиваясь в узкий переулок, кажется, поперек всех правил.

– Нет... – я покачала головой. – Прости. Кажется, с «офисным днем» сегодня облом.

– Тебя домой? – он разочарованно вздохнул. – Понял. Окей, без проблем. Звони, если что.

До дома оказалось неожиданно близко – или «порш» просто низенько летел? – и вскоре я выскочила из машины, изо всех сил обнимая свой букет. Меня так тянуло в тихую темную нору, чтобы пережить сегодняшнее утро, что я едва попрощалась с Романом.

Разбирая астры, чтобы поставить их в вазы – разные, потому что в одну не влезли, я обнаружила в ворохе совершенно волшебных, нереального оттенка цветов спрятанную коробочку.

А в ней – кулон в виде цветка с фиолетовыми лепестками. Туда же был вложен скрученный чек с названием магазина. «Подвеска с бриллиантами и танзанитами в родированном белом золоте». И цена – 100000 (сто тысяч) рублей.

Полагаю, это компенсация за тот полтинник, что я «проиграла» Роману. Аж в два раза больше. Интересно, сколько в ломбарде дадут?

Но я надела кулон на шею. Погладила пальцами холодные лепестки.

Эх, где теперь мой новый ноутбук...

Поздним вечером на телефон пришло сообщение:

Зеленоглазый миллионер:

Понравилось?

Я назвала его так в контактах, чтобы случайно не спутать со знакомыми миллионерами с другим цветом глаз. Вдруг они тоже решат мне позвонить?

Алиса:

Я больше люблю сапфиры. И тюльпаны. Алые.

Зеленоглазый миллионер:

Значит, понравилось:)

Прогулка

1

Весь следующий день я намеревалась провести в постели. Завернуться в одеялко, задернуть шторы и ничего не делать. Вообще ничего – даже телефон не брать. Просто пережить морально вчерашнее «интервью» с Романом и все, что было после. Охладить воспаленный мозг.

Но что-то мешало. словно крошечный паук перебирал тонкими лапками внутри моей головы, не давая успокоиться. Я вертелась с боку на бок, подтаскивала прохладные подушки, чтобы уткнуться в них лбом. Пялилась в потолок. Закрывала глаза и пыталась уснуть. Сворачивалась клубочком и накрывалась с головой.

Каждый раз, когда мне казалось, что я нашла комфортную позу и уже погружаюсь в море покоя, паучок в моей голове впивался в мозг безжалостным укусом, и меня снова подбрасывало на постели.

В итоге я сдалась, подтащила к себе ноутбук и открыла файл с романом. Хорошо быть фрилансером – когда проснулся, тогда и утро, где клавиатура под пальцы легла, там и офис. Можно открыть всего один глаз и даже не менять позу.

И погрузиться в текст. В сущности – нырнуть из себя – снова в себя. Минуя промежуточные этапы вроде этого жестокого мира. Книги вообще отличный способ бегства от реальности, и неважно, читаешь ее или пишешь.

Что бы ни творилось вокруг, всегда есть место, где меня примут любой. Мрачной, раздраженной, несчастной, возбужденной, яростной. Извращенкой, садисткой, нежной пушистой няшей, ранимым котиком, холодным тираном. Любой.

Да, потом не все читающие поймут мое творение. Рискую – большинство не поймет. Но ведь можно им и не показывать?

Черные буковки на белом экране – самодостаточная вещь. Я создала мир, пожила в нем, он был реальным, так что мне еще надо?

Время от времени настоящий «реальный мир» напоминал о себе саднящей досадой, уколом боли в висок. Острым, но кратковременным неудобством. Как будто я что-то забыла. Или не сделала что-то, а стоило. Но я сжимала зубы, отмахивалась от него, как от комара, и тут же спешила вновь погрузиться в текст. Гори все синим пламенем, у меня нет сил на жизнь сегодня.

Роман написал к вечеру. Как будто его никто не учил, что мальчикам неприлично писать девочкам раньше, чем через три дня после свидания! Что за распушенность! Можно ведь подумать, что он совсем отчаялся и никому не нужен!

Зеленоглазый миллионер: Я так и не понял, мы теперь дружим или что?

Алиса: А ты потянешь со мной дружить?

Зеленоглазый миллионер: Я тебя даже в любовницах собирался потянуть, что там какая-то дружба.

Алиса: Ну, не знаю, к друзьям у меня запросы выше.

Зеленоглазый миллионер: У тебя просто низкие запросы к любовникам.

Алиса: Кто бы говорил, мистер «Вытрахаю весь журналистский пул».

Зеленоглазый миллионер: Ну, ладно, раз дружим, пойдем пива выпьем.

Алиса: А роман про тебя я уже не пишу?

Зеленоглазый миллионер: А ты пишешь?

Алиса: Пишу.

Зеленоглазый миллионер: Вау.

Алиса: Про хорошего надежного парня, который женился на чистой светлой девушке.

Зеленоглазый миллионер: Кажется, не про меня.

Алиса: Мне нравится твой уровень самокритики.

Зеленоглазый миллионер: И не про тебя.

Алиса: При чем тут я?

Зеленоглазый миллионер: Разве роман про меня не должен быть и про тебя тоже? Хоть в мечтах тебя трахнуть. При чем в твоих.

Послав ему закатывающий глаза смайлик, я отложила телефон и пошла дальше писать. Потому что П – Приоритеты!

Я так и продолжала существовать в режиме сплю-пишу-ем-смотрю в потолок и снова по кругу. Конечно, временами мне бывало немного грустно. Но он не тот человек, которому я могла бы пожаловаться.

Справлюсь сама, как справляюсь со всем остальным.

Забавно вот что.

Читатели часто жалуются, что героини мои встречаются со своей судьбой, когда у них в жизни что-то не в порядке. Уволили, бросили, обманули или еще какая печаль. И оказывается, что этот провал можно заполнить как раз теми ресурсами, что есть у героя. Как удачно!

На этой волне у них все и складывается.

Однако – что было бы, если бы герои являлись к героиням, когда те вполне довольны своей жизнью? Нет дыр, которые надо заполнять отношениями, нормально все с деньгами и в порядке со всем остальным?

Если считать нас с Романом за контрольный образец, то можно понять – ничего. Вместе они бы не были.

Нечем зацепиться.

2

Зеленоглазый миллионер: Как дела? Что делаешь? Не скучаешь?

Алиса: Ты бы тоже не скучал, если был бы нормальным бизнесменом, а не свалил все на других.

Зеленоглазый миллионер: Я не свалил, я делегировал.

Алиса: Пофиг.

Зеленоглазый миллионер: Зато у меня есть время для того, чтобы подружиться с тобой.

Алиса: Как ты себе это представляешь?

Зеленоглазый миллионер: Ну что обычно ты делаешь с друзьями? Чем с ними делишься? Давай, делись со мной!

Алиса: Мммм... Я написала офигенную сцену в роман! Я молодец. Скажи мне, что я молодец!

Зеленоглазый миллионер: Ты молодец.

Алиса: Я гений!

Зеленоглазый миллионер: Несомненно. Ай да Пушкин, ай да... не будем уточнять.

Алиса: Хвали меня! Носи меня на руках! Так все друзья делают!

Зеленоглазый миллионер: Ты совершенно гениальная. Я всегда это знал. Давай приеду и награжу тебя.

Алиса: Чем это?

Зеленоглазый миллионер: Собой, конечно!

Алиса: Я лучше шоколадкой награжусь.

Шоколадки ведь лучше зеленоглазых миллионеров?

Хоть почти такие же вредные.

Они подкрадываются к тебе в минуты наибольшей уязвимости и... Нет, они не предлагают утолить голод или насладиться вкусом – для этого лучше подойдет хороший кусок жареного мяса. И даже не предлагают наркоту для уставших рецепторов серотонина – кола без сахара отлично бы справилась с желанием чего-нибудь сладенького.

Они говорят: «Смотри, сейчас ты нальешь себе большую чашку чая, возьмешь печенку с шоколадной прослойкой, поделишь ее пополам и сначала слижешь гладкий, мягкий, нежный крем... И пока ты будешь это делать – мир постоит на паузе. И никто не сможет сделать тебе больно».

В отличие от.

На третий день добровольной изоляции стало ясно, что еда в доме кончилась. Не только печенки с шоколадным кремом, а вообще. Совсем. Даже макароны в шкафике.

Смерив голодным взглядом банку кошачьего корма с истекшим пять лет назад сроком годности, я пошла собираться в магазин.

Люди в соседней «Пятерочке» видели меня всякую.

И в пальто на голое тело, и в вечернем платье, и в свитере и джинсах, которые я неделю не снимала и даже спала в них, и в радужных афгани и обтягивающей футболке без лифчика.

В каком виде я покупала сигареты после развода, даже вспоминать не хочу. Спасибо добрым кассиршам, которые регулярно спрашивали у меня паспорт, хотя выглядела я, думаю, скорее как человек, у которого надо просить пенсионное.

В общем, секунд пять повибрав между приличиями и удобством, я решила, что мятые бриджи имени встреч с миллионерами вполне подойдут и для сегодняшнего похода.

И не зря, как оказалось, я их так окрестила.

Прямо напротив подъезда на чем-то законном месте стоял зеленый глазастый «поршик», а внутри скучал его владелец, тыкая пальцем в телефон.

3

Я аккуратно прикрыла за собой дверь, чтобы она не хлопнула, огляделась и решила просочиться под окнами, прикрываясь высокими кустами. Вдруг получится не попасться ему на глаза? Во времена моего детства мы носились этими тайными тропами, играя в «казаки-разбойники» и прятки, так что опыт у меня был!

Все шло хорошо – я вынырнула из колючих зарослей крыжовника через два подъезда, оглянувшись, убедилась, что никто меня не спалил, и спокойно продолжила путь как нормальный взрослый человек.

Тут-то меня и нагнал Роман.

Поравнялся и просто пошел рядом.

– Куда направляемся? – поинтересовался он, когда я завернула за угол дома.

– О, снова вы! – вежливо удивилась я, делая вид, что только заметила.

– Мы вроде давно перешли на «ты»?

– О, снова ты! – исправила я.

– Куда идешь-то?

– Хотела бы сказать, что на пробежку, но вынуждена признаться, что за салатиком и колой.

– Может, покатаемся вместо этого? – внес он коварное предложение.

– Салатик сам себя не купит! – назидательно сообщила я.

– А мы поедем где-нибудь! – парировал Роман.

– О, господи, я еще от прошлого ужина не отошла...

Меня передернуло при воспоминании о вечеринке в отеле и полуголых девицах на столах.

– Я тебе еще не рассказал, почему я купил зеленую машину... – коварно подцепил меня Роман. – Поедешь – расскажу.

– Не могу... – я вздохнула. – Ни гулять, ни пить. Глава не дописана. Максимум по лесу пройтись.

– Seriously? Опять откажешься? А как же я?

– Ты один, читателей много. Они меня любят и дают мне денег. Выбор очевиден!

– Денег могу дать.

– Любовь нельзя купить!

– Зато можно купить твое время, – он остановился, преградив мне путь дальше.

– Да я его и так дам, Ром, – вздохнула я, попытавшись обогнуть его справа, слева и наконец отчаявшись. – Просто не сегодня.

– Никогда не давай даром то, за что предлагают заплатить.

– Это очередная миллионерская мудрость?

– Ага. Ну, давай в твой лес сходим, если иначе никак! Честно, тебя достать сложнее, чем какого-нибудь министра!

Я покосилась на него – белоснежная рубашка и светло-голубые брюки. На себя – привет, бриджи и футболка.

– «Ты, Маугли, кого хочешь достать можешь»... – пробормотала я. – Ну хорошо, лес так лес. Ты сам хотел!

4

Я угорала.

Нет, серьезно. Я пряталась за стендами с фруктами, делала вид, что тщательно рассматриваю квашеную капусту и чуть ли не валялась по полу, глядя на выражение лица Романа.

Человек впервые в жизни зашел в универсам эконом-класса! Это надо видеть! Это бесценно! Это... блин, вот надо было сразу камеру включить.

Я как-то не подумала, когда он неосторожно спросил, где тут ближайший магазин. Ведь мы идем в лес – значит будем жечь костер, жарить шашлыки, подкармливать белочек орешками и вот это все.

Ближайшим магазином оказалась «Пятерочка» – ну кто же виноват? У нас тут не Плющиха и не Патрики, ближайшая «Азбука Вкуса» в семи километрах напрямую.

– А свежего мяса нет? – осторожно спросил у меня миллионер с выражением лица, как у английской королевы, попавшей в дачный сортир.

Хотя нет, в английскую королеву я свято верю, она и по пути в сортир только вежливо улыбалась бы.

А вот Романа прямо корежило от запахов гнилых овощей, влажного картона, протекших солений и горящего пластика – этот уникальный парфюмерный букет осенял наш районный магазин буквально с первого дня существования.

Говорят, в дорогих магазинах электроники и автосалонах специально распыляют аэрозоли с запахом новой техники, а в супермаркетах пекут булочки с корицей, чтобы пробудить аппетит и стимулировать продажи. Создать особо мерзкий запах дешевого «магазина у дома» было бы по-своему гениальным решением. Побыстрее набирайте свой лук и картошку, захватите пиво и вперед, к кассе, не глядя по сторонам – тут вам не музей.

– Мяса нет, только замороженные котлеты из котят, – сообщила я, улыбаясь.

Котят он пропустил мимо ушей. Шокированный мозг Романа был и без того перегружен.

– И... стейков из форели? – аккуратно и обреченно уточнил тот.

– Тоже нет!

– А...

– Есть сосиски, – сжалась я. То, что они без мяса, уточнять не стала. Ему же не пожрать, в самом деле, а так, развлечься. – Черный хлеб и даже маршмеллоу.

– Хорошо, – мужественно кивнул Роман и его отшатнуло в отдел детских товаров. Я закатила глаза и развернула его лицом к сосискам.

– Только не нюхай! – попыталась предупредить, но опоздала. – Ром, ну тебе шашечки или ехать?

– Если б я понимал, какой из вариантов – что... – пробормотал он, долго задумчиво глядя на запертую на замок витрину, где были выставлены бутылки «Боллингера» и «Хеннеси». На фоне остального магазина для непритязательных слоев населения смотрелось шокирующе, согласна.

Чем бы ни закончился сегодняшний день, ворох впечатлений Роман уже получил. С горочкой.

Выйдя на улицу, он с таким облегчением вдохнул свежий воздух, будто уже и не чаял больше его ощутить.

– Ха! – лаконично прокомментировала я, вложив в это восклицание все, что я думаю о мамкиных мажорах, которые жизни не нюхали, вручила ему пакетик со снедью и направилась к лесу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.